

Биографии правителей с педагогико-антропологической точки зрения

Б. М. Бим-Бад

Политико-педагогическая антропология изучает человека власти, сравнивая детство и образование повелителя мира (*homo dominans et imperatorius*) с его судьбой.

В жизнеописаниях правителей мы обнаруживаем единство политической теории и практики. Разумеется, действенность той или иной политической доктрины выявляет целостный исторический контекст. Но научная биография вбирает этот контекст в себя как предпосылку и объяснительный принцип.

Научно выверенные биографии служат одним из источников потенциально эвристичных сопоставлений. Среди них: основателей империй — с продолжателями их дела. Лидеров больших наций — с руководителями малых. Правителей-мужчин — с женщинами главами государств и правительств. И т.д.

Сравнительно-историческое изучение политико-педагогических биографий в диахроническом плане помогает понять ход развития политики как науки и искусства правления и эволюцию искусства воспитания принцев.

Педагогическая антропология получает возможность сравнить образованность лидера с его мировоззрением и деяниями. Таким образом, исторический материал выявляет свой логический компонент — теорию воспитания и обучения первых лиц в области государственного управления. Теорию, опробованную на практике, воплощенную в конкретной действительности. При этом вычленяется поправочный коэффициент: специфика эпохи; возмущающие влияния обстоятельств, среди коих неповторимо личные качества лидера играют не последнюю роль.

Особого внимания заслуживают политико-педагогические биографии деспотов. Вопреки различным социокультурным тканям, из которых кроились диктатуры в отдельных странах и в разные эпохи, и уникальности личности тех или иных тиранов, между всеми ними есть сходство. В их историях наблюдается повторяемость, и в их правлениях — закономерности. Педагогическая антропология призвана понять внутренние механизмы диктаторских синдромов.

Сенека и Нерон

За 55 лет до рождения Христа в Римской республике в зажиточной семье всадников появился мальчик, которому было суждено сыграть немаловажную роль в мировой истории. Его назвали Луций Анней Сенека. Когда он сам произведет на свет ребенка, обессмертившего свою фамилию, к его собственному имени станут добавлять “Старший”. С 30-х по 10-е годы Сенека Старший учился риторике в Риме. Он сдружился с выдающимися ораторами и политиками. Написал множество декламаций, контroversий и суазорий. Был историком, мемуаристом, комментатором-хронистом.

У себя на родине — в Кордубе (нынешняя Кордова в Испании) — женился на Гельвии, увлекавшейся философией. В 4 г. до Р. Х. Гельвия стала матерью будущего философа, драматурга, поэта и педагога Луция Аннея Сенеки Младшего. Впоследствии ее сын посвятит ей, горевавшей о ссылке своего любимого и знаменитого отпрыска, одно из лучших своих “Утешений”.

Сенека Младший, главный герой нашего антрополого-педагогического анализа, в самом раннем детстве приобщился культуре углубленного мышления. В 10-е годы по Р. Х. учился философии у стоиков и пифагорейцев. Выступал в судах с речами, сделавшими его весьма известным оратором. Рано начал писать. В 20-е годы тяжело болел, даже собирался

покончить счеты с жизнью. Долго лечился и вылез из Египта.

К 15 декабря 37 года нашей эры, когда родился будущий римский император Нерон, Сенека Младший уже стал квестором, вошел в сенат и успел вызвать зависть самого императора Калигулы, дяди Нерона, своими ораторскими выступлениями. Калигула распорядился убить Сенеку. Спасло его только вмешательство одной из наложниц принцепса. Она заявила, что слабый здоровьем оратор и сам скоро умрет (Дион Кассий).

Он опубликовал сохранившийся до сего дня трактат “О гневе” и “Утешение к Марции”, дочери одного оппозиционного историка. Около 39 г. Луций Анней Сенека становится единственным обладателем этого имени — Сенека Старший умер, и далее мы станем называть Младшего просто Сенекой.

В 41 г. его отправляют в ссылку. Дело было так.

После убийства Калигулы к власти пришел его дядя Клавдий. Мессалина, жена Клавдия, обвинила Сенеку в любовной связи с сестрой покойного императора. Новый принцепс заменил обычную в таких случаях казнь ссылкой на Корсику.

На этом острове Сенека много пишет по вопросам этики. Здесь появились его первые трагедии. В надежде на помилование он сочиняет “Утешение” к временщику Клавдия, Полибию, — фактически, ходатайство об амнистии. Но лесть не оказала ожидаемого эффекта. Годы ссылки неспешно сменяли друг друга.

Детство и юность Нерона. Место Сенеки в воспитании принца

В 49 г. неверная Мессалина была казнена мужем. Клавдий женился на Агриппине, даме, не менее страшной, но более осмотрительной, чем Мессалина, и усыновил ее сына Нерона. Агриппина, желая, чтобы ее знали не только с плохой стороны, добилась возвращения из ссылки Сенеки и одновременно доставила ему претуру, полагая, что ввиду его громкой литературной славы и то и другое будет приятно римскому обществу.

Вместе с тем, по свидетельству Тацита, она поступила так и ради того, чтобы отроческие годы Нерона протекли под руководством столь выдающегося наставника. Агриппина и сама предполагала пользоваться советами Сенеки, чтобы уничтожить своего нового мужа Клавдия и расчистить путь к власти своему сыну Нерону.

Трех месяцев от роду Нерон потерял отца. Все имущество забрал его сонаследник. Потом и мать его сослали, а он, в нужде и почти в нищете, рос в доме своей тетки Лепиды (впоследствии он ее велит отравить у себя на глазах) под надзором двух слуг, танцовщика и цирюльника.

Когда Клавдий принял власть, Нерону было возвращено отцовское имущество и добавлено наследство его отчима.

Нерон в раннем детстве занимался чеканной работой, рисованием, пением, учился править лошадьми на ристалище. Не достигнув даже отроческого возраста, выступал он в цирке на Троянских играх, много раз и с большим успехом. Борьбой он занимался постоянно.

Здоровьем он пользовался отличным, никогда почти не болел.

Философию ему не позволила изучать мать, уверяя, что для будущего правителя это помеха. От изучения древних ораторов его отклонил Сенека, “желавший, чтобы его ученик дольше сохранил восторг перед наставником” (Светоний).

Нерон обратился к поэзии, сочиняя стихи охотно и без труда. Не правы те, кто думает, что он выдавал чужие сочинения за свои. Светоний держал в руках таблички и тетрадки с самыми известными его стихами, начертанными его собственной рукой, и видно было, что они не переписаны с книги или голоса, а писались тотчас, как придумывались, — столько в них помарок, поправок и вставок.

Слагая стихи, Нерон демонстрировал начатки познаний в благородных науках — начатки, а не глубокое их постижение. В детские годы он изучал также музыку. Придя к власти, он тотчас же пригласил к себе лучшего кифареда и много дней подряд слушал его после обеда до поздней ночи, а потом и сам стал упражняться в этом искусстве.

С немалым усердием занимался он также живописью и ваянием.

Но более всего его увлекала жажда успеха, и он ревновал ко всем, кто чем бы то ни было возбуждал внимание толпы. Некоторые уверяют, что и актер Парис был им убит как опасный соперник в театральном искусстве.

Клавдий к концу жизни начал обнаруживать явные признаки сожаления о браке с Агриппиной и усыновлении Нерона. Наследником Клавдий пожелал сделать своего родного сына Британника, а не пасынка Нерона, в 53 г. женившегося на сестре Британника Октавии, о чем и было составлено завещание, заверенное печатями всех должностных лиц.

Встревоженная Агриппина, “которую уже не только собственная совесть, но и многочисленные доносчики обличали в немалых преступлениях” (Светоний), опередила мужа. После убийства Клавдия его женой в 54 г. завещание это было без прочтения объявлено недействительным. Императором провозглашен 16-летний Нерон.

Считалось, что Сенека, помня о благодеянии Агриппины, безгранично ей предан, тогда как, затаив в себе горечь обиды, враждебен Клавдию. Сенеке приписывали язвительнейшую сатиру “Отыквление, или Апофеоз божественного Клавдия”, написанную в 54 г. на смерть принцепса.

На самом деле Агриппина и Сенека яростно боролись за влияние на Нерона. Мать — чтобы удовлетворять своим страстям: властолюбию, жестокости и алчности, Сенека — чтобы противостоять им.

Сенека составил и тщательно отделил первую публичную речь императора Нерона. Старые сенаторы не преминули отметить, что из всех достигших верховной власти Нерон был первым, кто нуждался в чужом красноречии. Очевидно, Сенеке не удалось обучить своего питомца безупречному красноречию, как не получилось и привить тому прекрасных этических идей стоицизма.

Руководитель и наставник юного императора, обходительный и нельстивый Сенека, пекся о том, чтобы, если тот пренебрежет добродетелью, “дозволенные наслаждения” (Тацит) легче уберегут его от соблазнов неограниченной совестью власти.

Это означало на практике череду уступок порокам. Тем бóльшую череду, чем чаще наставник принимал подарки от своего воспитанника. Учитель был очень силен в теории добродетели, а его подопечный — в практике безнравственности. Нерон наглядно продемонстрировал мыслителю и писателю, который был на сорок лет старше своего неопытного искусителя, что “великая добродетель” стоит очень больших денег.

Нерон участвовал в убийстве своего отчима принцепса Клавдия. Приведенный этим умерщвлением к власти, он уничтожает брата своей жены, родного сына Клавдия Британника. Затем убивает свою мать. Все это время Сенека сохраняет влияние на Нерона и получает от него бесчисленные подношения. Именно в этот время Сенека был на высоте могущества и богатства. Он стал одним из самых богатых людей в государстве.

Вскоре после своей “инаугурации” Нерон решил извести Британника ядом, который получил от известной отравительницы. Но яд оказался слабее, чем думали, и Британника только прослабило. Тогда Нерон вызвал женщину к себе и стал избивать, крича, что она дала не отраву, а лекарство. Он заставил ее тут же, в спальне, у себя на глазах сварить самый сильный и быстродействующий яд. Отраву испытали на козле, и он умер через пять часов. Перекипятив снова и снова, отраву дали поросенку, и тот окошел на месте.

Тогда Нерон приказал подать ее к столу и поднести обедавшему с ним Британнику. С первого же глотка тот упал мертвым. Солгав сотрапезникам, среди которых была его мать и жена, будто это обычный припадок падучей, на следующий же день, в проливной дождь, похоронил его торопливо и без почестей.

Как бы в ответ на это холодящее кровь злодеяние 17-летнего человека, Сенека написал программный трактат “О милосердии” в трех книгах и посвятил его Нерону.

Воспитатель предупреждал воспитанника об опасности стать тираном. И в династических убийствах необходима умеренность. Конечно, речь не идет о “неразумном сострадании”, а исключительно только о разумном милосердии. Это основная добродетель властвующего

человека — находить должную меру между мягкостью и строгостью. Суровость необходима-де для обуздания порочной толпы и исправления нравов.

Для достижения этой великой цели принцепсу приходится больше обуздывать себя, чем подданных. “Это было бы трудно, — пишет Сенека (пер. С.А. Ошерова), — будь твоя доброта не природной, а заемной и временной. Ведь никто не может долго носить маску”. Но милосердие выгодно: только любовь подданных надежно охраняет царствующего. Иначе — меч, поразивший Калигулу, яд, которым извели Клавдия.

Учившийся у Сенеки нравственности Нерон как бы в ответ на поучения задумал и осуществил устранение своей матери. Дион Кассий называет инициатором убийства Агриппины Сенеку. Гораздо вероятнее, что дело обстояло иначе.

Мать свою Нерон ненавидел за то, что она следила и строго судила его слова и поступки. Одновременно он вожделем к ней и презирал ее за готовность отдаться ему. В конце концов сочтя, что она тяготит его, где бы она ни находилась, он решил ее умертвить.

Сенека понимал, что, противодействуя убийству, предотвратить его он не сможет, а остатки влияния на Нерона потеряет. И вот он санкционирует матереубийство.

Когда подосланные убийцы обступили ее ложе, она, подставив им живот, воскликнула: “Поражайте чрево!”, — и те умертвили ее, нанеся множество ран.

Агриппина за много лет ранее ожидала такого конца. Передают, что она обратилась к халдеям с вопросом о грядущей судьбе Нерона, и, когда ей ответили, что он будет властвовать и убьет мать, она сказала: “Пусть умерщвляет, лишь бы властвовал”.

Лишь по свершению преступления Цезарь постиг всю его непомерность. Неподвижный и погруженный в молчание, а чаще мечущийся от страха и наполовину безумный, он провел остаток ночи, ожидая, что рассвет принесет ему гибель.

По наущению друга Сенеки верного служаки Бурра явились со льстивыми заверениями центурионы и трибуны, которые первыми пробудили в нем надежду на избавление от наказания. Они ловили его руку и поздравляли с избавлением от неожиданной опасности, с раскрытием злокозненного умысла матери. Сенека написал для Нерона послание к сенату. В послании говорилось, что подосланный убить принцепса вольноотпущенник матери был схвачен с мечом и что осужденная якобы собственной совестью за покушение, она сама себя предала смерти.

Ни один человек не поверил ни слову из этого послания. Неприязненные толки возбуждал уже не Нерон, — ведь для его бесчеловечности не хватало слов осуждения, — а Сенека, составивший это послание и вложивший в него лживые измышления.

За умерщвлением Британника и матери последовало убийство тетки Лепиды. Ее он посетил, когда она лежала, страдая запором; старуха погладила, как обычно, пушок на его щеках и сказала ласково: “Увидеть мне эту бороду остриженной, а там и помереть можно”. А он, обратись к друзьям, насмешливо сказал, что острижет ее хоть сейчас, и велел врачам дать большой слабительного свыше меры. Она еще не скончалась, как он уже вступил в ее наследство, скрыв завещание, чтобы ничего не упустить из рук.

Жена Октавия быстро стала ему в тягость. После нескольких неудачных попытках удалить ее он дал ей развод за бесплодие, потом он ее сослал и, наконец, казнил по обвинению в прелюбодеянии — столь нелепому и наглomu, что даже под пыткой никто не подтвердил его, и Нерон должен был нанять лжесвидетелем своего дядьку... На развратной и корыстолюбивой Поппее он женился через двенадцать дней после развода с Октавией и любил ее безмерно; но и ее он убил, ударив ногой, больную и беременную, когда слишком поздно вернулся со скачек, а она его встретила упреками.

Антонию, дочь Клавдия, которая после смерти Поппеи отказалась выйти за него замуж, он казнил, обвинив в подготовке переворота. Сына Поппеи он велел его рабам во время рыбной ловли утопить в море, так как слышал, что, играя, мальчик назвал себя полководцем и императором.

Воспитательная миссия Сенеки закончилась, когда развратнейшие люди, коими окружил себя Нерон, из опасения, что их влияние на юного цезаря ослабит философ-моралист,

восстановили против него Нерона. “Отрочество Нерона отошло в прошлое, и он вступил в цветущую пору юности, — говорили они, — так пусть он избавится, наконец, от докучного руководителя. У него не будет недостатка в просвещенных наставниках в лице его предков” (Тацит).

Сенека не остался в неведении относительно поносивших его, — продолжает свой рассказ великий Тацит. Видя, что Цезарь все упорнее избегает близости с ним, попросил его уделить ему время для беседы и, получив согласие, сделал решительную попытку спасти свою жизнь. Он сказал (перевод Г.С. Кнабе): “Уже четырнадцатый год, Цезарь, как мне были доверены возлагавшиеся на тебя надежды и восьмой — как ты держишь в своих руках верховную власть. За эти годы ты осыпал меня такими почестями и такими богатствами, что моему счастью не хватает только одного — меры... А я что иное мог предложить твоей щедрости, кроме плодов моих усердных занятий, возвращенных, можно сказать, в тени и получивших известность лишь оттого, что меня считают наставником твоего детства. И это великая награда за них. Но ты, сверх того, доставил мне столь беспредельное влияние и столь несметные деньги, что я сам себя постоянно спрашиваю: где же мой дух, довольствующийся немногим? Не он ли выращивает такие сады, и шествует в этих пригородных поместьях, и владеет такими просторами полей, и получает столько доходов с денег, отданных в рост? И единственное оправдание, которое я для себя нахожу, это то, что мне не подобало отвергать даруемое тобой.

Теперь, достигнув на жизненном пути старости и утратив способность справляться даже с легкими заботами, я не могу нести более бремени своего богатства и зываю к тебе о помощи. Повели своим прокураторам распорядиться моим имуществом, включить его в твое достояние... Ты полон сил и в течение стольких лет видел, как надлежит пользоваться верховной властью. А мы, старые твои приближенные, вправе настаивать, чтобы ты отпустил нас на покой. И тебе послужит только к славе, что ты вознес превыше всего таких людей, которые могут обходиться и малым”.

На это Нерон ответил приблизительно так: “Тем, что я могу тут же, без подготовки, отвечать на твою обдуманную заранее речь, я прежде всего обязан тебе, научившему меня говорить не только о предусмотренном, но и о непредвиденном... Ты опекал мое отрочество, а затем и юность вразумлением, советами, наставлениями. И то, чем ты меня одарил, пока я жив, не умрет, тогда как предоставленное мною тебе — сады, поместья, доходы — подвержено превратностям. И меня заставляет краснеть, что ты, к которому я питаю привязанность как ни к кому другому, все еще не превосходишь всех остальных своим состоянием.

Но если кое-когда мы по легкомыслию молодости отклоняемся от правильного пути, то разве ты не зовешь нас назад и не направляешь с особенной настойчивостью наши юношеские силы туда, куда нужно, и не укрепляешь их своею поддержкой? И если ты отдашь мне свое достояние, если покинешь принцепса, то у всех на устах будет не столько твоя умеренность и самоустранение от государственной деятельности, сколько моя жадность и устрашившая тебя жестокость. А если и станут превозносить твое бескорыстие, то мудрому мужу все-таки не подобает искать славы в том, что наносит бесчестье другу”.

Тая ненависть к Сенеке, он прикрывает ее притворными ласками. И Сенека изъявляет ему благодарность, но вместе с тем немедленно порывает со сложившимися во времена его бывшего могущества образом жизни. Он перестает принимать приходящих с приветствиями и редко показывается в городе, ссылаясь на то, что его удерживают дома нездоровье или философские занятия.

Деяния зрелого Нерона

При первых же своих поступках Нерон обнаружил жестокость, поначалу сдерживаемую. Его самодержавным намерениям мог отчасти мешать сенат, и он начинает с простого унижения и заканчивает массовым уничтожением законодателей и судей.

Знаменитый историк Древнего Рима Светоний удостоверяет, что наглость, похоть,

распущенность, скупость, жестокость его поначалу проявлялись постепенно и незаметно, словно юношеские увлечения. Едва смеркалось, как он надевал накладные волосы или войлочную шапочку и шел слоняться по кабакам или бродить по переулкам. Забавы его были не безобидны. Людей, возвращавшихся с ужина, он то и дело колотил, а при сопротивлении наносил им раны и сбрасывал их в сточные канавы; в кабаки он вламывался и грабил, а во дворце устроил лагерный рынок, где захваченная добыча по частям продавалась с торгов, а выручка пропивалась. Когда же постепенно дурные наклонности в нем окрепли, он перестал шутить и прятаться и бросился, уже не таясь, в еще худшие пороки.

Нерон твердо был убежден, что нет на свете человека целомудренного и хоть в чем-то чистого, и что люди лишь таят и ловко скрывают свои пороки. Поэтому тем, кто признавался ему в разврате, он прощал и все остальные грехи.

Для денег и богатств он единственным применением считал мотовство. Людей расчетливых называл он грязными скрягами, а беспутных расточителей — молодцами со вкусом и умеющими пожить.

Когда он, издержавшись и обеднев почти до нищеты, был вынужден даже солдатам задерживать жалованье, а ветеранам оттягивать награды, — тогда он обратился к прямым наветам и вымогательствам. Он постановил, чтобы закону об оскорблении величества подлежали любые слова и поступки, на которые только найдется обвинитель. Давая поручения, он всякий раз прибавлял: “А что мне нужно, ты знаешь”, — и “Будем действовать так, чтобы ни у кого ничего не осталось”. Наконец, у многих храмов он отобрал приношения, а золотые и серебряные изваяния отдал в переплавку.

Еще более стал он ненавистен, старясь нажиться и на дороговизне хлеба: так, однажды в голодное время александрийский корабль, о прибытии которого было объявлено, оказался нагружен песком для гимнастических занятий”.

Злодейства и убийства свои он начал с Клавдия. Он не был зачинщиком его умерщвления, но знал о нем и не скрывал этого. Так, белые грибы он всегда с тех пор называл “пищей богов”, потому что в белых грибах обожествленному Клавдию поднесли отраву.

Постепенно и с нарастающей скоростью Нерон множил чудовищные злодейства. Страшась восстания против себя, он в буквальном смысле слова обезглавил вооруженные силы империи. Посланные им убийцы неожиданно высаживались поблизости от расположения войск и, прежде чем их прибытие могло вызвать тревогу и толки, убивали одного за другим самых крупных военачальников. Их головы доставляли в Рим. Нерон, взглянув на отрезанную голову великого полководца Суллы, издевательски заметил, что ее портит ранняя седина.

Знатнейших мужей государства он обрек на смерть. Дети осужденных были изгнаны из Рима и убиты ядом или уморены голодом: одни были умерщвлены за общим завтраком, вместе со своими наставниками и прислужниками, другим запрещено было зарабатывать себе пропитание.

С поразительным соревнованием в раболепии римская знать принимала решения о свершении молебствий во всех существующих храмах после каждого из новых преступлений Нерона. Преисполнившись вследствие этого высокомерием, гордый всеобщей рабской угодливостью, он безудержно предавался всем своим неизменно кровожадным страстям. Деспота творит толпа. Ему подобострастно служат, чтобы насытить собственную кровожадность. Чтобы с помощью доносов на ненавистных соседей воспользоваться трусостью, подозрительностью и алчностью самодержца и уничтожить друг друга, да в придачу еще и получая доли от имущества ближнего.

Раболепие распаляет властителя. Он убеждается в своей безнаказанности. Ненависть пострадавших целиком возмещается при этом благодарностью еще остающихся в живых. Увидев, что все его преступления воспринимаются как выдающиеся деяния, он казнил уже без меры и разбора кого угодно и за что угодно. Приказывая умереть, он оставлял осужденным считанные часы жизни; а чтобы не было промедления, он приставлял к ним врачей, которые тотчас “приходили на помощь” к нерешительным — так называл он

смертельное вскрытие вен. Гордясь и спесивясь такими своими успехами, Нерон восклицал, что ни один из его предшественников не знал, какая власть в его руках, и порою намекал открыто, что и остальных сенаторов он не пощадит, все их сословие когда-нибудь искоренит из государства.

Но и к народу и к самым стенам отечества он не ведал жалости. Когда кто-то сказал в разговоре: “Когда умру, пускай земля огнем горит!”, — “Нет! — прервал его Нерон, — Пока живу!” И этого он достиг. Он поджег Рим настолько открыто, что многие консуляры ловили у себя во дворах его слуг с факелами и паклей, но не осмеливались их трогать. Шесть дней и семь ночей свирепствовал огонь, а народ искал убежища в каменных памятниках и склепах. Кроме бесчисленных жилых построек, горели дома древних полководцев, еще украшенные вражеской добычей. Горели храмы богов, возведенные и освященные в годы царей, а потом — пунических и галльских войн. Горело все достойное и памятное, что сохранилось от древних времен.

На этот пожар он смотрел с Мecenатовой башни, наслаждаясь, по его словам, великолепным пламенем, и в театральном одеянии пел “Крушение Трои”, которую, судя по Ювеналу, сам сочинил.

И здесь не упустил он случая для добычи и поживы. Объявив, что обломки и трупы будут сожжены за государственный счет, он не подпускал людей к остаткам их имуществ. Невозможно было никакими предпринимавшимися мерами пресечь бесчестящую Нерона молву, что пожар был утроен по его приказанию. И вот принцепс, чтобы побороть слухи, приискал виновных и предал изощреннейшим в их жестокости казням тех, кого толпа называла христианами.

Их умерщвление сопровождалось издевательствами. Их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны голодными собаками. Их распинали на крестах. Обреченных на смерть в огне поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения.

Для этого зрелища Нерон предоставил свои сады. Тогда же он дал представление в цирке, во время которого сидел среди толпы в одежде возничего. Но все ухищрения остались напрасными: жестокости пробуждали сочувствие к христианам, ибо все понимали, что их истребляют не в видах общественной пользы, а вследствие кровожадности и лживости одного Нерона.

В 65 г. был раскрыт несфабрикованный заговор против Нерона. Массовые репрессии достигли апогея. Нерон, несколько раз безуспешно пытавшийся отравить Сенеку, на этот раз не упускает сладкой для себя возможности уничтожить своего учителя мечом.

Трибуну преторианской когорты Нерон велел окружить виллу Сенеки отрядами воинов и возвестить ему смерть. Сохраняя спокойствие духа, Сенека вместе с женой, к которой питал редкостную привязанность, одновременно вскрыли себе вены на обеих руках.

Из старческого и ослабленного скудным питанием тела Сенеки кровь еле текла, и он вынужден был, чтобы умереть, надрезать также вены на голеньях и под коленями.

Изнуренный жестокой болью, чтобы своими страданиями не сломить духа жены и, наблюдая ее мучения, самому не утратить стойкости, он советует ей удалиться в другой покой. И так как даже в последние минуты его не покинуло красноречие, он вызвал писцов и продиктовал им многое, что было издано.

Между тем смерть медлила приходом, и Сенека попросил яду и принял его, но тщетно, так как члены его уже похолодели и стали невосприимчивы к действию яда. Тогда Сенеку погрузили в бассейн с теплой водой, потом перенесли в жаркую баню, и там он испустил дух.

Всем этим Нерон возбудил такое негодование, что не было оскорблений, какими бы его не осыпали. Взбунтовались все войска. Он стал раздумывать, не выйти ли ему в черном платье к народу, чтобы с ростральной трибуны в горьких слезах молить прощенья за все, что было. Если умолить не удастся, то выпросить хотя бы наместничество над Египтом. Готовую речь об этом потом нашли в его ларце. Удержал его, по-видимому, страх, что его растерзают раньше, чем он достигнет форума.

Телохранители покинули его. Разбежались и слуги, унеся даже простыни и похитив его заветный ларчик с ядами. Он бросился искать кого-нибудь из своих опытных убийц, чтобы от его руки принять смерть, но никого не нашел. Наконец, принесли ему письмо: сенат объявил его врагом отечества и постановил казнить по обычаю предков (преступника раздевают донага, голову зажимают колодкой, а по туловищу секут розгами до смерти). Всхлипывая и все время повторяя слова “Какой великий артист погибает!”, он откладывал самоубийство. Заслышав всадников, он в трепете и с помощью другого человека вонзил себе в горло меч. Он еще дышал, когда ворвался центурион, которому было поручено захватить его живым. Тот зажал плащом его рану. “Поздно!”, — прохрипел он. Глаза его остановились и выкатились, на них ужасно было смотреть.

Нерон скончался 7 июня 68 г. на тридцать втором году жизни. Ликование в народе было большое.

Однако находились и такие, которые еще долго украшали его гробницу весенними и летними цветами и выставляли на ростральных трибунах то его статуи в консульской тоге, то эдикты, в которых говорилось, что он жив и скоро вернется на страх своим врагам. Этой верой в бессмертие деспота воспользовались не менее трех различных лженеронов.

* * *

На примере тирании Нерона видно, как много культуры требует свобода, чтобы не быть разрушительной. В контексте духовной нищеты почти неизбежно установление авторитарных режимов, нередко носящих внешний лоск открытой и воинственной злокачественности. Возможно, безнравственность и жестокость, и то, и другое совершенно экстраординарные, могут объяснить быстрое продвижение тирана к сверхъестественным злодеяниям. Люди всегда восторгаются тем, на что сами решиться не в силах.

Многие при этом верят в спасительность “сильной руки” при ситуациях, усложненных множественными напряжениями и противоречиями между различными группами людей.

Во всех подобных случаях власть переходит в руки преступной банды грабителей, экспроприаторов и убийц. В контексте невежества и слабоумия масс тираническое господство оркеструется традиционными могучими кланами и целиком определяются жадной людей подчиниться диктатору. Никто из подданных не в состоянии адекватно предвидеть результаты своего повиновения. Действительные результаты — репрессии, геноциды — выступают для масс неожиданностью, аберрацией, колдовством.

Авторитарная тенденция усиливает, продолжая, вековую традицию племенного авторитаризма: неразделенности властей в традиционном племени. Авторитаризм первобытен по своей природе и возможен только как культурный и политический атавизм. Поскольку свобода ценится по-разному различными социальными группами и индивидами, постольку и оценки диктатуры весьма отличаются друг от друга внутри одного и того же общества. Более того, оценки диктатора зависят от его происхождения, этнической принадлежности, его религии, положения в обществе и даже от его внешности.

Поэтому не было и нет такой деспотической единоличной диктатуры, которая не одобрялась бы какой-либо частью общества.

Корыстный учитель служит для воспитанника наглядным примером лицемерия. Сколь бы великим писателем, оратором, философом, ученым он ни был, он развращает своего подопечного. И тот не верит в его благие наставления, напротив, презирает его и использует его же приемы сокрытия правды против него.

Попустительство наставника, который ошибочно надеется уступать низким страстям ученика в малом, чтобы не уступить в большом, ведет к безнаказанности и самым ужасным ее последствиям.

Истоки характера и жизненного стиля И.В. Сталина

Возможности и деяния человека во многом зависят от его внутренних исходных

установок, которые он всегда способен и перенимать от других, и вырабатывать сам. Эти установки называются мировоззрением, мироотношением, миропониманием. Они ближайшим образом проявляются в характере.

Задача педагогико-антропологического изучения личности — понимание мировоззрения, характера и деяний человека в их взаимодействии и сопоставлении.

Поскольку человек не инертен, но активен, он действует и творит, постольку педагогическая антропология стремится познать, что человек как активное существо может в тех или иных обстоятельствах сделать из самого себя.

Среда во многом формирует личность, но и личность накладывает свои схемы на окружающий ее мир. Каким образом, в какой форме?

Сталин — наиболее влиятельная политическая фигура в новейшей истории России и в мировой истории двадцатого столетия.

С 1922 по 1953 год он был абсолютным самодержцем России (Генеральным секретарем партии), а после второй мировой войны — и властелином ее сателлитов. Он наложил неизгладимую печать на все важные события в нашей стране и в целом свете.

Как становилась личность Сталина? Как развивалось его отношение к людям и миру? Каковы истоки его характера? Как сказались его личные особенности в завоевании и поддержании им самовластия?

Политико-педагогическая антропология, изучающая человека власти, составляет часть педагогической антропологии и потому пользуется ее общими методами и источниками.

Из огромной практики, а не только теории, педагоги, психологи, психоаналитики и психиатры знают, что "ребенок — отец человека". Именно ранние отношения ребенка с фигурантами его первичного мира создают потенциал для социализации личности, для установления ее социальных связей. В настоящей работе главным методом анализа и синтеза души молодого Сталина предстает изучение круга его чтения. Степень и характер влияния на него того или иного произведения выявляются в сопоставлении с последующим поведением Сталина.

Содержание религиозного образования Сталина, равно как и его светского самообразования, проясняется по мере обнаружения в его деятельности и в опубликованных при его жизни выступлениях прямых упоминаний этого содержания или аллюзий на него.

В означенных источниках выявляются верования, установки, предпочитаемые сенсорные модальности Сталина, которые были необходимы ему для решения жизненных проблем в обычных и особенно в трудных ситуациях.

Изучение мировоззрения и характера Сталина невозможно и без учета политологических данных.

Политическая деятельность дает простор для развернутых проявлений личностных особенностей лидеров в широких сферах действительности.

Политик способен вводить в заблуждение огромное число людей. У политика есть мощные средства манипулировать сознательными, подсознательными и бессознательными социальными факторами.

Когда Сталин умер, террор прекратился. Внешние и внутренние факторы сохранились, но личность Сталина перестала действовать. Это заставляет приписывать феномену Сталина ряд персоналистских характеристик. Социальное окружение нашего героя играет паритетную с его личностью роль в событиях его жизни.

Разумеется, феномен Сталина не сводится к его личности. Вне исторического контекста Сталина как исторического явления не существует. Сталин не смог бы выдвинуться без социального хаоса, царившего в результате первой мировой войны, революции 1917 года и гражданской войны. Ему был необходим аппарат, подчиненный его воле. Он нуждался в эффективных силовых структурах, взаимодействующих с населением, которое было способно привлекаться к различным формам доносов и актов устрашения.

Снять покров загадочности с движений и течений огромных групп людей можно только при включении в их изучение всех участников массовых процессов — и ведущих, и

ведомых.

При исследовании социума на первом месте стоит здесь изучение среды активной поддержки Сталина и деятельного участия в его акциях.

Наряду со средой участников репрессий находятся гигантские массы вынужденных подчиняться людям. Действительность СССР отчасти служила средством реализовывать политику Сталина радостно и добровольно, отчасти же — насильственно.

Когда власть локализована в руках одного человека, массы приневолены повиноваться. Это не значит, что народ обязательно настроен против власти.

Семейная среда Иосифа Джугашвили

Родители Сталина сочетались браком 17 мая 1874 г. Его отцу, Виссариону Ивановичу Джугашвили, было тогда 24 года; его матери, Екатерине Глаховне (Георгиевне) Геладзе, — 16 лет. Для обоих этот брак был первым и последним.

Иосиф (Сосо) Джугашвили, будущий Сталин, появился на свет третьим (по другим данным — четвертым) ребенком 6 декабря 1878 г. (не 21 декабря 1879 г.!). Он был единственное выжившее их дитя, средоточие всех надежд на то, чтобы выбиться из нужды, на довольство и почет.

Виссарион (Бесо) Джугашвили родился в 1850 г. еще рабом: крепостное право было отменено в Грузии только в 1864 г.

Предки Виссариона жили в мягком климате плодородного винодельческого района Грузии, к югу от величественного Кавказского хребта. Этническое происхождение их неизвестно (осетины, грузины, метисы?).

Виссарион говорил только по-грузински, знал наизусть и декламировал великий грузинский эпос — "Витязь в тигровой шкуре".

По неизвестной причине Бесо оставил свои родные края и перебрался сапожничать в Гори. Когда он женился, он значился в Гори временно проживающим крестьянином.

Знавшие его в Гори соседи описывают Бесо Джугашвили как тщедушного приземистого человека, черноволосого, с бородкой и усами. По единодушному свидетельству современников, его сын в молодости был чрезвычайно похож на него.

И. Иремашвили, один из соучеников Сосо в школе, вспоминал, что Виссарион был вспыльчивым и раздражительным. Он незаслуженно бивал своего единственного сына.

Спустя много лет, когда Сосо превратился в Сталина, он счел возможным (стало быть, необходимым) заметить, что его отец в качестве сапожника не обладал сознанием истинно пролетарским. Напротив, его отцу свойственны были мелкобуржуазные черты.

Мелкий буржуа Виссарион, очевидно, не зная, что ему следовало сознавать в себе пролетария, вынужден был оставить индивидуальную трудовую деятельность в Гори по производству сапог. Он вновь поступил в 1885 г. на обувную фабрику в Тифлисе, где когда-то прежде работал.

Однако и там его преследовали неудачи, пришлось вернуться в Гори. Его вовсе не столь уж сильно ценили и любили домашние и соседи.

Позже Бесо навсегда ушел из дома.

Даниель Ранкур-Лаферриер весьма обоснованно считает, что, возможно, Виссарион на самом деле испытывал любовь к сыну, за послушание которого упорно боролся. В отличие от Екатерины, ее муж не связывал будущего сына с высоким призванием священника. Не исключено, что он не желал увеличивать пропасть между собой и Сосо. Если бы Иосиф овладел ремеслом башмачника, он был бы ближе к отцу по духу.

Но каким бы ни был Виссарион, палачом или жертвой, какие бы ни питал он чувства к сыну, он служил для мальчика отнюдь не позитивной моделью идентификации.

Конец Бесо неизвестен. Сталин в 1905 и 1909 гг. показывал жандармам, что его отец Виссарион Иванович существует и ведет "бродячую жизнь". Только в 1912 г. Сталин подписал показания, где, в частности, говорилось, что его отец умер.

Мальчик Сосо был похож на отца не только лицом. Дочь Сталина Светлана свидетельствует, что Иосиф Виссарионович рассказывал ей, как "однажды, защищая мать от

побоев и издевательств ее мужа, он метнул нож в своего отца, но не попал в цель. Отец с криками ринулся за ним, соседи спрятали мальчика".

Сосо мог стать отцеубийцей. Сосо соревновался в жестокости с отцом и подражал ему.

Как смело он бросил нож в отца! Он в силах быть жестоким, как мужчина, как отец. Даже больше, чем он, больше всех на свете. Больше Господа Бога, наконец, которого бояться потому, что он убивает всех без исключения.

Мы не знаем, много ли было таких ужасных, травмирующих эпизодов в отношениях между отцом и сыном. Но чрезвычайно показательным, что это покушение на жизнь Виссариона жило в нем. В старости, когда он достиг могущества властелина, Сталин все еще помнил о том, как мог он стать отцеубийцей.

Со своими детьми товарищ Сталин обращался так же жестоко, как Виссарион с ним. При этом Сталин-отец особенно заботился о том, чтобы оба его сына были настолько забиты, чтобы им не могла придти в голову мысль о бунте против него.

Л.Д. Троцкий помнил характерные подробности того, как третировал Иосиф Виссарионович своего первенца Якова, которого обычно называл "мой дурак".

"Мальчик Яша подвергался частым и суровым наказаниям со стороны отца. Как большинство мальчиков тех бурных времен, Яша курил. Отец, сам не выпускавший трубки изо рта, преследовал этот грех с неистовством захолустного семейного деспота, может быть, воспроизводя педагогические приемы Виссариона Джугашвили.

Яша вынужден был иногда ночевать на площадке лестницы, так как отец не пускал его домой. С горящими глазами, с серым отливом на щеках, с сильным запахом табака на губах Яша нередко искал убежища в нашей кремлевской квартире.

"Мой папа самашедший", — говорил он с резким грузинским акцентом.

Мне думается сейчас, что эти сцены воспроизводили, с неизбежным отличием места и времени, те эпизоды, которые разыгрывались тридцатью пятью годами раньше в Гори, в домике сапожника Виссариона".

Неудачная попытка Яши застрелиться из-за конфликта с отцом вызвала у Сталина реплику: "Хе! Не попал?!"

Второму своему сыну Василию (от Надежды Аллилуевой) генсек тоже давал своеобразное воспитание. Вася имел обыкновение отлынивать в школе, но учителя не решались ставить ему плохие отметки. Однажды генсек пришел в школу и попросил, чтобы с его сыном обращались поосторожнее. Дома он *сбил* мальчика с ног и пинал его сапогами. Это происходило на глазах дочери. (Н.С. Хрущев).

Григол Робакидзе, писатель, с 1931 г. эмигрант, в романе "Убиенная душа" (опубликован по-немецки в Швейцарии в 1933 г.) сказал о влиянии Виссариона на мироотношение и характер будущего Сталина то, что думала в то время лучшая грузинская интеллигенция.

"Отец его был пьяница, грубый и язвительный человек. Отец *бил* мать, когда бывал пьяным. *Бил* он и своего единственного малолетнего сына.

В хибарке, где обитала семья, царили нужда, свирепость и слезы. В мире он видел лишь безобразное. Все это оставило неизгладимый след в душе мальчика.

Для него не существовало любви, ничто не радовало его. Жизнь его была отравлена неистребимой ненавистью. Ему недоставало радости жизни. Сын возненавидел само творение.

Душа такого человека холодна, сурова. Он не выносит эмоциональности и в других, экстаз раздражает его.

У него были явные симптомы тяжелого заболевания. Его, несомненно, раздражало органическое многообразие мира. Более того, он не выносил самую жизнь.

Он, точно преступник, тянулся к разрушению, желая испытать и применить на деле свою всеокрушающую волю.

У него в детстве не было детства, ибо он с малых лет был удручен и не любил играть. Он не обладал даром любви.

Эту пустоту, эту черную безграничную меланхолию он скрывал за непроницаемой маской

своей неутомимой деятельностью.

Хладнокровие Сталина было видимостью. На самом деле его снедала болезненная лихорадка активности.

Ненавистник жизни, он обладал выдержкой и иронией, чтобы уничтожать живое. Другие радости для него не существовали.

Ненавистник отца, он должен был быть и против отчизны. Всею душой Сталин ненавидел Грузию".

Екатерина Геладзе родилась в деревне недалеко от Гори в 1859 г. Она тоже происходила из семьи крепостных. После освобождения семья перебралась в город. Отец скоро умер. На жизнь зарабатывали горшечным ремеслом. Мать и братья учили ее читать и писать, но Кэкэ освоила только искусство подписываться своим именем.

На шестнадцатом году жизни она вышла замуж. Молодая женщина пережила смерть двух или трех рожденных ею младенцев. После появления на свет Иосифа у нее не было беременностей.

Кэкэ отличалась глубокой религиозностью. Все источники свидетельствуют о том, что она расценивала выживание Сосо как свидетельство особой милости Бога и одновременно Его требование подготовить мальчика к служению Ему.

Карьера сына в качестве священника сосредоточила в себе помыслы и труды Екатерины, всю ее энергию.

В 1886 г. Иосиф тяжело заболел оспой. Она выходила его, но его лицо навсегда осталось в глубоких оспинах.

Кэкэ необычайно напряженно работала. Она шила, пекла хлеб, убиралась у других, делала любую работу, только чтобы увеличить доход семьи.

Кэкэ пела сыну народные песни. Она обнаружила, что у мальчика есть хороший слух и приятный голос. В детстве он пел в церковном хоре.

Мы точно знаем, что Кэкэ и Сосо хорошо питались в отсутствие Бесо. В 1939 г. Г.И. Елизабедашвили, их сосед, писал, что семья голодала. Но это противоречие легко разъясняется его же описанием блюд, типичных для бедных семей в Гори. Это была недурная диета: фасоль, вареный картофель, разнообразная зелень, овощи с мясным фаршем, помидоры с рисом, наконец, жареное мясо. Они не перебивались хлебом с луком.

Однажды, вероятно, во время летних каникул в 1889 г., Виссарион явился домой из Тифлиса, чтобы забрать туда с собой Сосо и отдать его в ученики на обувную фабрику. Мать держалась насмерть. Разыгрался жуткий скандал.

Ни жена, ни соседи не могли переубедить его. Иосиф уехал с отцом в Тифлис. Бесо определил сына на фабрику, где работал сам. Сосо помогал рабочим, прислуживал старикам.

Но Екатерина добралась до Тифлиса и увезла сына. Ей помогли снова определить мальчика в училище.

Эту историю в основном подтвердила сама Джугашвили. В интервью корреспонденту "Правды" в 1935 г. она сказала о своем сыне: "Он очень хорошо учился, но его отец — мой покойный муж Виссарион — решил забрать мальчика из школы и обучить его сапожному ремеслу. Я протестовала, как могла, и даже ссорилась с моим мужем, но все напрасно; он настаивал на своем. Немного позднее, однако, мне удалось вернуть мальчика в школу".

Сталин говорил Светлане, что его мать "колотила" его, когда он был маленьким. И что она *была* Виссариона, когда тот напивался.

"Мать колотила мальчика, — пишет Светлана на основе бесед со Сталиным, — а ее муж колотил ее".

Из всего, что знала Светлана, она заключила, что бабушка обладала суровым и решительным характером. Что она была твердой и упрямой, придерживалась строгих нравов, была негибкой по природе.

Позднее в разговорах со Светланой Сталин хвалил строгость и силу характера Екатерины, но в контексте, призванном оправдать влиянием своей матери его нетерпимость по отношению к собственным детям. К Яше, которого он порол. К Васе, которого он пинал

сапогами, и к Светлане, которую яростно ругал. Светлана уверяет, что Сталин ударил ее "впервые в жизни", когда ей было семнадцать лет и она встречалась с Алексеем Каплером.

В детстве и отрочестве Сталин был менее доволен Кэкэ, иначе до самой смерти матери он не хранил бы в душе торжества, что пошел наперекор ее упорным требованиям и глупым надеждам.

Амбиции матери и ее самопожертвование ради него не могли не усилить его гордого чувства превосходства над окружающими. Успехи в учебе служили доказательством его правоты: он лучше других, фактически он лучше всех.

Сосо, несомненно, с трудом выносил гнет любящей, но своенравной и непреклонной матери.

Сосо не ценил подвигов матери. Если бы мать действительно понимала его, она всегда была бы на его стороне. И когда он бросил камень в трубу этих противных зажавшихся соседей. И когда он пустил свинью в синагогу. А она *бьет* его, кричит, обижает, попрекает.

Она восхищается им? — А как же иначе?

Жертвы? — Они разумеются сами собой.

Кроме того, она ведь старается не ради него, а ради себя. Он — только средство для того, чтобы Кэкэ выбилась из нищеты.

Выросший Сталин позорил мать и не приезжал к ней.

Генсек писал матери ничего не значащие традиционно вежливые слова, но писал по-русски. Кэкэ вообще не умела читать. Каждая трогательная записочка от сына, ставшего властелином полумира, была напоминанием ей о ее неполноценности. Сын акцентировал глубину пропасти между ними.

Престарелая мать не желала жить в Кремле. Она баловала семью Иосифа посылками.

Только один раз в жизни Светлана и Василий, дети Сталина от второго брака, видели бабушку. Светлане шел тогда девятый год.

"Мы не говорили по-грузински, она не говорила по-русски... Она была старой, седой, с яркими светлыми глазами, веснушчатой, и она плакала, и слезы струились по ее лицу, потому что она счастлива была видеть нас, своих внуков. И она протягивала к нам леденцы на тарелке. И это было единственным возможным общением между нами".

На фото 1932 г. мы видим лицо старухи в черном грузинском одеянии. Губы твердо сжаты в несколько обиженной манере. Выражение глаз печальное и смущенное.

Два года спустя ее внуки нашли ее в небольшой комнате в старом районе Тифлиса. Она полулежала на узкой металлической кровати.

Она ничего не просила у своего всемогущего сына. Когда в 1936 г. она навсегда закрыла глаза, Сталин не приехал на похороны.

В 1935 г., незадолго до ее смерти, состоялась их последняя встреча. Она была напряженно драматична. Фактически они увиделись, чтобы засвидетельствовать вечное взаимное неприятие.

Екатерина Георгиевна Геладзе не простила сыну отступничества. Иосиф Виссарионович Джугашвили не простил матери ничего.

— Почему ты меня так сильно *била*? — спросил он свою мать напоследок.

— Потому ты и вышел такой хороший, — ответила Кэкэ.

Он промолчал.

Теперь была ее очередь наносить удар, а его — парировать.

— Иосиф, кто же ты теперь будешь? — лукаво вопрошает мать.

— Царя помнишь? Ну, я вроде царь, — поддается Сталин на провокацию. И тут же получает в ответ:

— Лучше бы ты стал священником.

Эти слова понравились Сталину и были тогда широко известны. Сталин не мог ее понять. Не разгадал, что его родительница выковала язвительную формулу, которая развенчивала самодержца, ниспровергала его самонадеянность и объективно вбирала в себя сокровенные чаяния всех нормальных людей мира.

В Горийском духовном училище

В 1888 г. мечта Кэкэ исполнилась: ее почти десятилетний сын поступил, наконец, в Горийское духовное училище.

Отношения со сверстниками

Сосо Джугашвили запомнился сверстникам худым, жилистым мальчиком с орлиным носом. У него было узкое, удлинненное лицо, изрытое оспинами. Темные глаза были оживленными, смелыми, но не внушали доверия.

У него была походка "взрослого человека" и странная манера размахивать своими длинными жилистыми руками. Говорил Сосо грубо, отрывисто и мало.

Он сильно отличался от других детей и не был принят ими. Его не любили за угрюмый, неприветливый характер. Но некоторые дети (три-четыре ребенка за все время его учения), причем физически более сильные, чем он, фанатично ему служили и во всем ему подчинялись.

Бросалась в глаза его озабоченность чем-то. Сосо не знал оживленности, свойственной большинству из его соучеников.

Иногда он полностью уходил в себя, как бы отрешаясь от всего окружающего.

Мальчишки дразнили Сосо, попрекали пьянством отца. Иосиф не отвечал, усмехался и отходил в сторону. Он презирал их всех, своих соучеников. Когда его влияние совсем падало, он становился апатичным и незаметным. Когда оно подкреплялось, Сосо превращался в злого подростка, агрессивного и несправедливого.

Иремашвили пишет, что Сосо был равнодушен к радостям и горестям сверстников. Более того, Сосо насмехался над ними.

Его никто ни разу не видел плачущим.

Иногда он провоцировал детей на несогласие с собой, чтобы третировать их. Его избегали.

Он был злобно мстителен. Чаще всего он осуществлял мщение чужими руками.

Склонность мучить не только людей, но и животных, проявилась у него уже в школе, и окружающие заметили ее.

Вынужденный скрывать врожденное уродство, рябой, невысокого роста, он завоевывал себе место под солнцем тем, что совершенствовался в искусстве наводить страх. Он самоутверждался властью.

Он покровительствовал тем сверстникам, кто был ему лично предан, безоговорочно предан. Иремашвили писал, что в детстве и юности Сосо дружил только с теми, кто беспрекословно подчинялся его настоятельной воле.

"Триумфом для него было достигать победы и внушать страх", — заключал Иремашвили.

По наблюдениям профессора М.Я. Басова, властвование или покорность составляет основной тип отношений, которые устанавливаются при непосредственном общении между детьми.

Когда приказывающим является сам ребенок, а подчиняться ему должен кто-то другой, невыполнение требования влечет отрицательную эмоциональную реакцию. Привыкнув к выполнению своих желаний, маленький деспот не выносит затем никакого противодействия этим желаниям.

Ребенок-вожак ищет власти и главенства, так как без этого он не может обойтись в своих взаимоотношениях с окружающим его миром. Установка на властвование владеет этим человеком и в случае, когда на пути не встречается никаких преград, и когда эта внутренняя директива разбивается о противодействие.

Учение. Отношения с учителями

Твердый, упорный, энергичный — характеризовали его одноклассники. Он был всегда готов отвечать на уроке. Скрупулезно выполнял домашние задания.

Сосо обладал хорошим интеллектом и был сообразителен. От природы он имел замечательную память. Это отмечают все мемуаристы.

Одаренный, ревностный, трудолюбивый сын сапожника сосредоточивал мысли,

внимание, усилия на успехе в учебе. Еще важнее, что он зарабатывал хорошие отметки прилежанием, а не выпрашивал их у учителей.

Через два года после его поступления в духовном училище произошло неожиданное изменение в условиях преподавания. С 1890 г. все предметы должны были вестись только на русском языке, а грузинский стал иностранным— два часа в неделю. Сосо не знал русского языка. Екатерина срочно находит для него учителя. Изучение трудного языка стоило больших усилий и немалых для них денег.

Из-за задержки с русским языком Сосо окончил училище не за четыре года, а за шесть лет. Все это время Сосо — первый ученик. Притом не только в своем классе, но и во всей школе.

Иосиф предпочитал не ссориться с учителями. Судя по его поведению в дальнейшей жизни, он брал пример с наиболее строгих из преподавателей.

Школьные власти одобряли и его усердие, и его поведение. Непослушные ученики выступали против засилья русского языка, палочной дисциплины. Но не Сосо Джугашвили.

Гогохия, его одноклассник, вспоминал, что, когда они заканчивали Горийское училище, Сосо отличился на выпускных экзаменах, продемонстрировав выдающиеся успехи. Это подтверждается записью в отчете училища за 1893/94 учебный год: "Иосиф Джугашвили окончил курс обучения лучшим учеником в своем классе и рекомендован к переводу в духовную семинарию в Тифлисе, столице Грузии".

По словам одного из мемуаристов, Кэкэ была настолько искренне благочестивой христианкой, что она буквально вымолила у Небес Тифлисскую семинарию для своего сына.

Но ее сын и сам внес немалый вклад в эту победу. Он был самым бедным, самым обездоленным, самым неблагополучным из всех питомцев Горийского духовного училища. Он был ПОСЛЕДНИМ, но сделал себя ПЕРВЫМ.

Долгосрочные эффекты среды и воспитания Сосо

Первичные психические травмы

Боль и страх, насмешки и унижения, физические недостатки — все это было сильнейшими травмирующими факторами в детстве Сталина.

Травмы оказывают патогенное воздействие на психику ребенка. Психические травмы ведут к навязчивым мыслям, страхам, действиям. Они опасно усиливают невротические потребности личности — быть объектом восхищения, убеждать всех в собственной значимости, эксплуатировать других и т.п.

Неприглядность и изъяны тела, усугубленные нехваткой морального воспитания, служили причиной его тревожного чувства опасности, а также более позднего страха врагов и судьбы.

Основной, или первичный, страх — детская беспомощность — в столкновениях с травмирующей действительностью производит идеализацию своей личности, что является одним из ее защитных механизмов.

Болезни в детстве усиливали ощущение опасности в родном доме и усугубляли аутизм. Навсегда оставшиеся последствия перенесенной оспы постоянно подкрепляли комплекс неполноценности.

Существование юного Джугашвили воспринималось им как очень ненадежное. Оно требовало от него постоянной защиты себя хитростью и насилием.

Возникают защитные механизмы психики. Отождествление себя с агрессором у Сосо — принятие им того, что было для него устрашающим проявлением внешнего авторитета. Все, что было враждебно мальчику, стало для него самым ценным и желанным.

У Иосифа одновременно действуют механизмы интроекции и проекции.

Интроецирующий Сосо поступает так, как, с его точки зрения, хотелось бы другим, чтобы он поступал. Проецирующий Сосо поступает с другими так, как, по его мнению, другие поступают с ним.

У мальчика появляется мощный искусственный слой невроза: в поведении преобладает лицемерие, а истинные мысли, чувства и отношения скрываются притворством.

Компенсацией чувства неполноценности, приводящей к сознанию своего превосходства

над другими, для Сосо служила высшая степень причинения зла, тщательно скрываемого и на этапе подготовки, и в ходе осуществления. Его можно назвать "внезапными смертельными укусами змеи".

Другие патогенные факторы

В детстве на Сосо одновременно действовали факторы органической неполноценности, избалованности и отверженности. Комплекс неполноценности усиливался происхождением из социально невысокой среды.

Чувство неполноценности не давало ребенку возможности адекватно понять окружающий его мир.

Реакция других детей на физические недостатки, реакция взрослых на социальное положение недостаточного ребенка из бедной среды объясняют многое.

У такого ребенка возникает патология характера, которую классик психиатрии Э. Крепелин образно характеризовал: "С Библией в руках и камнем за пазухой". Ребенок пытается компенсировать свою неполноценность за счет ощущения "камня за пазухой". Этот способ компенсации становится привычным способом поведения вообще.

В начальной стадии названные качества появляются как способ компенсации первичных дефектов. Затем вследствие нарастания инертности этих способов компенсации ребенок "застревает" на стадии контроля над своим поведением. При этом мотив деятельности смещается вместе с ее смыслом.

Появляются эмоциональная холодность, бессовестность, отсутствие сострадания, легкость причинения зла.

Вследствие "надрывного" поведения родителей — подавления, жестокости и т.п. — развивается базальная тревожность. Это — всестороннее и глубокое чувство одиночества, основа невроза навязчивых состояний.

Одиночество — ужасное страдание. Невыносимый вакуум, создаваемый недоверием к людям, почти нечем заполнить. Остается одна настоящая радость — мысли и мечты о возмездии, опричинении зла.

Создается психологическая основа зависти — несформированная эмпатия, отсутствие сорадования. Возникает прямая агрессия к объекту зависти. Она приводит к дальнейшему развитию невротической симптоматики.

Зависть появляется в результате морального эгоцентризма ребенка. Укоренению зависти способствуют невозможность идентификации с положительными образами окружающих, отсутствие положительно окрашенных переживаний детей в ходе совместной с взрослыми деятельности и общения.

Искажения мировоззрения и характера

Три главных следствия среды и воспитания мы обнаруживаем в дальнейшей судьбе Сталина.

Первое — чувство исключительности, необыкновенности, избранности, величия. Это неизбывное ощущение внедрил в его психику самый факт борьбы родителей за его послушание, равно как и беспрецедентная преданность матери идее его высокого призвания.

Виссарион был прав — судьба Сосо стала бы намного безоблачнее, овладей он ремеслом сапожника. Екатерина внесла серьезный вклад в глубоко злополучную судьбу сына. Она помогла ему стать навсегда несчастным.

Любви матери к ребенку недостаточно для его нормального развития. Совершенно необходимо, прежде всего, сохранение автономии личности и развитие ее позитивных возможностей (Б. Беттельхейм).

Избалованность Сосо проявилась в непослушании, упрямстве, вызывающем поведении и вздорности. Это — отчетливые симптомы нарциссизма. Первоначальное детское упрямство мальчика было также выражением страха быть подавленным другими.

Его властность не позволяла ему сблизиться со сверстниками. Возникла тенденция быть в одиночестве, запирается. Уходит, скрывается от других.

Во-вторых, последующая жизнь Сталина прошла под тоскливой тенью страха боли —

наказаний, избиений, смертельной ненависти. Этот факт нельзя не связать с его воспитанием страхом и болью.

Чему учит физическая боль как педагогическая мера? Чему-то грязному, смутному и опасному. Прежде всего, — признанию насилия и унижения как порядка, как нормы.

Физическая боль составляет сильнейшие и наиболее устойчивые воспоминания Сталина о своем детстве. Удивительно, с каким удовольствием и удовлетворением он мог говорить о своих мучениях. Он как бы оправдывал тем самым любовь к бичеванию своих детей: видите, каким замечательным человеком я вырос, а ведь меня поролли родители, раздавали подзатыльники учителя и избивали старшие школьники.

Наказания пронизали его детство и потому составили важную ее часть. Он приписывал им благотворный характер. Он гордился частотой и суровостью наказаний, которые сносил якобы с образцово-показательным терпением.

Маленький Иосиф понял также, что террор, запугивание эффективно служат принуждению к правильному, с позиций террориста, поведению.

Виссарион и Екатерина были самыми важными фигурами в жизни Сталина. И оба они несли в себе жестокость. Не испытывать боли и избавиться от нее — более мощные мотивы, чем жажда наслаждений. Поэтому причинение боли нажимает на самую главную клавишу в природе человека.

Воспитание болью и страхом неотделимо от наказания как содержания жизнедеятельности. Ребенок усваивает, что никому нельзя уйти безнаказанным. Мучение грешников должно быть здесь, на Земле, и ад тоже должен быть тут. В этом убеждении заключена одна из главных особенностей преступного образа мыслей.

Сосо интериоризировал ненавистную враждебную силу Виссариона и благочестивые истязания Екатерины.

Ни один политик мира в официальных речах и публикациях ни до, ни после Сталина не употреблял так часто глагола "*бить*" и однокорневых слов.

Например, в его работе 1931 г. "О задачах хозяйственников" сказано (курсив мой — Б.Б.): "Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых *бьют*. Но мы не хотим оказаться *битыми*. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно *били* за отсталость. *Били* монгольские ханы. *Били* турецкие беки. *Били* шведские феодалы. *Били* польско-литовские паны. *Били* англо-французские капиталисты. *Били* японские бароны. *Били* все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. *Били* потому, что это было доходно и сходило безнаказанно. Помните слова дореволюционного поэта: "Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь". Эти слова старого поэта хорошо заучили эти господа. Они *били* и приговаривали: "ты обильная" — стало быть, можно на твой счет пожить. Они *били* и приговаривали: "ты убогая, бессильная" — стало быть, можно *бить* и *грабить* тебя безнаказанно. Таков уж закон эксплуататоров — *бить* отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб, — значит, ты не прав, стало быть, тебя можно *бить* и поработать. Ты могуч — значит ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться".

И чуть далее: "Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было *побито* и чтобы оно потеряло свою независимость?"

К тому же семантическому ряду относится лозунг "*Бей кулака!*". Вполне можно согласиться с Акакием Церетели, когда тот уверял, что для Сталина не бытие, а *битие* определяет сознание.

Слова "*грабить*" и "*убить*" созвучны слову "*бить*". В деятельности генсека Сталина все три глагола образовали неразрывное единство. Не в лингвистических штудиях, а на самом деле — в реальной жизни.

Мальчик Иосиф не мог, хотя и старался, скрыть своей мстительности. Он во многом напоминал своего отца, которого презирал и жалел, ненавидел и боялся.

Иосиф Иремашвили, соученик Сосо, считал, что тот питал мстительные чувства по

отношению ко всем, кто стоял над ним, был выше него. Осуществление мыслей о мести стало для Сталина с детства и навсегда целью, которой было подчинено все в его жизни.

Навязчивая идея отомстить всегда мучила Сталина, не оставляя его в покое ни на одно мгновение. В разговоре с Л.Б. Каменевым и Ф.Э. Дзержинским в 1923 г. Сталин заявил: "Выбрать своего врага, подготовить все детали удара, утолить жажду жестокой мести и затем отправиться спать... Нет ничего слаще в мире!" Эта фраза стала немедленно широко известна в партийных кругах как "теория сладкой мести" Сталина.

При этом он проявлял чудеса терпения. Ему приходилось надолго откладывать мщение. Он был гением в оттягивании своего самого сладкого вида удовлетворения. Очень долго не удавалось зарубить Л.Д. Троцкого. Невыносимо долго готовились и вечно срывались покушения на жизнь И.Б. Тито. Далеко не сразу удалось отомстить Т. Костову, забив его палками, пока не остекленели его "собачьи" глаза.

В-третьих, семейная среда не позволила маленькому Сталину научиться любить. Любовь и неприязнь — вот главное, что отливает в личностную форму характер растущего человека.

Сосо не любил ни отца, ни мать, но впитал в себя их жизненный стиль.

Родитель, который накладывает ограничения на своего ребенка в состоянии подавленности, злобы, усталости, вызывает враждебное к себе отношение ребенка.

Ненавистный родительский авторитет может исчезнуть лишь для того, чтобы уступить место ненависти к любому авторитету, с мощным деструктивным дополнением.

Сосо так и не удалось испытать формирующего душу влияния любви к людям. Он был асоциален. Его разрушительные стремления проявлялись в иррациональном виде. Граница между ним и преступником неуловима.

Его удовольствие от преследования жертв было грубо садистским, направленным против любой жертвы, неспецифичным и лишенным "предрассудков".

Чтение в Гори

Ребенок ненавидит не только того, кто причиняет ему непосредственное зло, точно так же, как и любит, симпатизирует не только тем, кто доставляет ему непосредственное благо. Его взгляды на людей шире, его требования к ним более многообразны. Потому широка, различна по своим мотивам и источникам его любовь, как и его ненависть.

Аутичные дети находят своих героев, которым они больше всего симпатизируют, не столько среди живых людей, сколько в литературе, среди исторических деятелей и т.п.

Вот почему совершенно невозможно понять эволюцию мировоззрения и характера Сталина, не проследив его чтения в школе и вне школы.

Чем старше становился Иосиф Джугашвили, тем больше он читал.

Круг чтения маленького Сосо состоял из обязательной учебной литературы по дисциплинам и курсам духовного образования, а также из самостоятельного погружения в грузинских и русских авторов.

Школьный товарищ Сосо — Ваню Кецохели — вспоминал, что «в старших классах Горийской школы мы познакомились с грузинской литературой, но у нас не было руководителя, способного вести наше развитие и давать правильное направление нашим мыслям. Глубокое впечатление произвела на нас поэма Чавчавадзе "Како грабитель"».

Одним из наиболее читаемых Сосо по-грузински авторов был некто Александр Мочхубаридзе. Это был псевдоним Александра Казбеги (Казбека), писателя 1848 года рождения. Душевно заболел, он рано умер (в 1893 г.).

Уроженец гор и ревностный грузинский националист, Александр Казбеги описывал волнующие эпизоды сопротивления кавказских горцев военному покорению их края русскими властями.

В произведениях Казбеги содержится ценный этнопсихологический материал. А. Казбеги отводит много места описанию внутреннего мира горцев, раскрывая их образ мыслей, трудно понятный для европейца.

Казбеги искусно переводил на грузинский язык М.Ю. Лермонтова и других русских классиков.

Повесть о Кобе

"Отцеубийца" (1883), повесть Казбеги о Кобе, произвела на Сосо Джугашвили могущественное, глубокое и чрезвычайно длительное впечатление.

Коба — говорящее имя, оно означает "неукротимый, упорный, упрямый". Именно в Кобе из романа "Отцеубийца" Сосо Джугашвили обнаружил для себя подобающий, как он считал, символ, позднее — партийную кличку. Почти до конца его дней ближайшие из его окружения люди называли его Кобой.

По свидетельству Иосифа Иремашвили, «Коба был идеалом Сосо и образом его мечты [Traumgestalt]. Коба сделался Богом Сосо, смыслом его жизни. Он хотел стать вторым Кобой, борцом и героем, как тот, повитым славой. Образ Кобы воплотился, воскрес в нем. Отныне он называл себя Кобой, он ни за что не желал, чтобы мы звали его каким-либо иным именем. Когда мы обращались к нему "Коба", его лицо сияло от гордости».

Имя Кобы стало первым псевдонимом Сталина, под которым он начал карьеру революционера. Даже через двадцать лет он еще подписывался "К. Сталин". Эпизодически он держался за псевдоним "Коба" почти до конца тридцатых годов.

Казалось, что Сталин сознательно жил по модели, заимствованной из литературы.

Но на самом деле Коба Казбеги очень сложным образом соотносится с жизнью и деяниями Кобы-Сталина. Может быть, даже сложнее, чем образ Рахметова из романа "Что делать?" — с планидой и поступками Ленина.

Нам следует внимательно присмотреться к содержанию "Отцеубийцы".

Сюжет

Повесть вплетала историю любви и ревности, интриг и приключений в канву действительных событий 1845 г. В это время объединенные силы горцев под водительством Шамиля, имама Чечни и Дагестана, дали отпор экспедиции во главе с наместником России на Кавказе графом Воронцовым.

Главная сюжетная линия "Отцеубийцы" — насильственные расставания и все труднее и труднее завоеванные встречи молодых влюбленных. Он — мужественный Иаго, она — прекрасная Нуну. Их жестокие испытания и беды закончились гибелью. В судьбе этой пары сосредоточились несправедливости и притеснения, которые выпали на долю грузинских крестьян в дореформенной России.

Их верный друг Коба освобождает Иаго из тюрьмы, а Нуну из плена, куда они попали из-за махинаций преступника Гирголы, деревенского ренегата, сотрудничающего с русскими угнетателями.

Коба вместе с Иаго ведет жизнь абрека в горах, дружит с крестьянами и пастухами, бьется с казаками, наконец, захватывает нескольких русских офицеров и приводит их в качестве языков к Шамилю. Тот восторженно принимает друзей, и они готовы присоединиться к объединенным силам имама. Но в этот момент их настигает ревнивая судьба.

Преданные корыстным знакомцем, они попадают в ловушку, которую устроили им Гиргола и его приспешники. Они сражаются с невысказанно превосходящим их силой противником. Иаго убивают, Нуну умирает у позорного столба, Коба чудом спасется один.

В конце повести раздается выстрел мстителя Кобы, и смертельно раненный Гиргола, исповедуясь, признается в своих кровавых злодеяниях.

Образ Кобы

Коба в "Отцеубийце" — не сложный и не тонкий характер, а, скорее, одномерный и прямолинейный тип идеализированного героя-грабителя, какого мы находим во всех подобных произведениях, начиная с легенд о Робин Гуде.

Коба телом — сильный, духом — благородный. Он неустрашим, грозен в бою. Коба — безошибочно меткий стрелок. Он хитер и изобретателен в затруднительных ситуациях.

Хитрость не позор. "Время теперь такое, что одной силой не возьмешь... Иной раз не мешает прибегнуть и к хитрости, и несколько это не стыдно..."

Такой характер может быть весьма привлекательным для воинственного подростка, в котором живет мечта одержать верх над всеми своими обидчиками и угнетателями.

Бог не помогает несчастным и помогает сильным

Бог не помогает в повести никому из хороших людей. Похоже, что Бог и не поможет.

"— Не всегда будет так, сын мой,— утешал его старик. — Мы божьи создания, и Бог нам поможет.

— Бог? Да где же он, наш Бог?.. — кричал Иаго.

— Что делать, что делать! — горько сетовал старик".

У Казбеги христиане кровожаднее неверных. "Глаху удивляло, что христианин может так не по-христиански притеснять христианина, сильнее неверного жаждать крови собрата своего".

Бог не на стороне несчастных.

Так, Сосо хорошо знал, что малорослых людей презирают. Что физические недостатки делают человека ничтожным. Повесть правдиво подтверждала эту фундаментальную несправедливость Господа Бога.

"Гиргола долго смотрел вслед своему уходящему брату. Трудно было разгадать, чего больше в его взгляде: презрения, жалости или, быть может, даже злорадства. Малорослый Ниниа и в самом деле был жалок. Его еще больше уродовали узенькие глазки на худом, истощенном лице".

Но зато Бог помогает Кобе и другим абрекам. Он на стороне мстителей. Почему? Они сильные, они не сдаются, они способны преступить закон.

Месть

В контексте этого произведения Коба обладает еще одной отличительной чертой, которая, возможно, была особенно заманчивой, просто неотразимой для юного Джугашвили: он был мстителем. Поскольку Бог у Казбеги явно не желает помочь восстановлению справедливости под "облаками Грузии", Коба узурпирует у него право "Мне отмщение, и Аз воздам".

Коба не раз проговаривает вслух грузинское проклятье "Я заставлю рыдать их матерей". То есть "Я отомщу им".

Тема возмездия пронизывает повесть.

Так, безжалостная месть Глахи, отца Нуну, автору представляется совершенно оправданной. «И в голосе, и в лице Нищего Глахи отпечатались вся горечь пережитого. Лицо это, видимо, когда-то красивое, теперь было страдальчески искажено, — треволения жизни наложили на него свою безжалостную печать... Вскоре после того, как Глаху заперли в темницу, в село прибыл диамбег, один из тогдашних вершителей крестьянских судеб. Диамбег поступил, как человек, лишенный совести, как бездушный зверь, для которого честь и воля женщины — да еще крестьянки — ничто.

...Диамбег проснулся от шума, зажег спичку... перед ним стоял Глаха, который бежал из крепости, не выдержав горя и нечеловеческих мук. Глаза его пылали гневом.

Жена кинулась к нему, протянув с мольбой руки, умоляя ее спасти, но тотчас же рухнула на пол: муж рассек ей грудь кинжалом.

Диамбег кинулся под кровать, но Глаха вытащил его оттуда за ногу и крикнул, вонзив ему кинжал под мышку: "А ты — свинья, и я тебя зарежу, как свинью!"

С того ужасного дня Глаха исчез из родных мест, и его осиротевшая дочь, которая была еще грудным младенцем, выросла на попечении добрых соседей...»

Не раз автор и герои одобрительно отзываются о традиционном для Кавказа обычае кровной мести.

Месть сладостна: «Страстное желание Иаго сбылось — он отомстил врагу за свои муки, но это напряжение лишило его последних сил, ноги подкосились, голова закружилась от слабости, и он рухнул на землю. "Хоть одному я отомстил!" — подумал он».

Простолюдинов у Казбеги просто сжигает жажда жестокого воздаяния высокомерным и самонадеянным завоевателям, которые грабят и угнетают побежденных.

Возмездие — дело высшей чести. «Иаго с нетерпением ждал выздоровления, чтобы жестоко отомстить Гирголе за все свои беды, за то, что сделал он его убийцей и разлучил с родиной и невестой».

Столько злодеяний было на совести у Гирголы, что не только горец, для которого священны слова "Лучше умереть со славой, чем жить в позоре", но и человек самого мирного нрава мог бы проникнуться жаждой мести».

Мечь абрека священна. "Элберд, новое лицо нашей повести, был красивый, широкоплечий мужчина лет тридцати. Он давно уже взял в руки ружье, и когда один, когда с товарищами бродил по дорогам, по которым двигались отряды [русских] насильников.

Он упорно выслеживал врагов, чтобы напасть на них из-за угла, ограбить их, отнять у них лошадей и, если удастся, забрать их живыми и доставить в лагерь Шамиля.

Часто он перехватывал солдат, спасавшихся бегством от своих жестоких офицеров, и указывал им, как пройти к лагерю Шамиля.

Элберд знал всех, всюду у него были побратимы и друзья. Постоянные трудности настолько обострили его сообразительность и ловкость, что он умел с честью выходить из всяких затруднений.

Он знал все пути, мог выйти из любого затруднения и потому был бесценным человеком в это смутное время, когда тысячи бездомных, погоревших, выгнанных из своего гнезда жаждали мести и не пожалели бы жизни ради уничтожения врага.

Сам Элберд еще недавно был мирным землепашцем, имел семью, жену, маленького сына и дом у лесной опушки, в стороне от других, он завел пасеку и усердно ухаживал за ней.

Но однажды явились русские войска, спалили его дом, во время пожара погиб его сынишка, жену забрали в плен, а сам он каким-то чудом остался жив и бежал, тяжело раненный.

С того дня он жаждал мести, одной только мести, взял в руки ружье, и многие матери плакали с того дня, одежды многих врагов обагрились кровью!"

Сам Шамиль предстает как "человек из железа" и безупречный вождь, обожаемый своими последователями и соратниками, как герой народной вендетты.

Побратимы Иаго и Коба алчут поквитаться не только с непосредственными своими врагами, Гирголой и диамбегом (старостой, управляющим имением), но равным образом и с русскими властями, которые поддерживают подобных негодяев. Побратимы видят в службе Шамилю посланную Небом возможность принять участие в коллективных актах возмездия.

Кодекс абрека требует мести. В мщении надобно ждать удобного момента. А для этого необходимо обладать терпением.

Мечь оправдывает выживание единственного — единичного героя. Чудесным образом Коба один спасется из засады, где погибают все положительные герои повести. Позже он отплатит злодеям по всем правилам.

Таким образом, "Отцеубийца", предоставляя Сосо идеализированный образ грабителя как мстителя, дает ему большее. А именно — санкционированное авторитетом убеждение, что мстительный триумф есть дело, которому уважаемый всеми благородный убийца может достойно посвятить свою жизнь.

Классы и Вождь

В повести наличествует и социальная тема. Казбеги показывает, что грузинское общество разделено на классы. Симпатии автора целиком отданы низшим слоям — простым людям.

Пастухи-горцы и крестьяне долин активно противостоят русским оккупантам, которые сжигают села, уничтожают урожаи, насилуют женщин. В это самое время грузинские князья и дворяне сражаются на стороне Воронцова.

"Князья и дворяне собирались в этот поход в надежде с легкостью заполучить чины и ордена, так высоко почитаемые во времена наместника Воронцова.

Под давлением наместника наше дворянство переустраивало всю жизнь на европейский лад, а для этого требовался достаток. И дворяне не брезгали ничем, лишь бы обеспечить себе возможность посещать воронцовские балы, иметь нужные для этого средства.

После указа об отмене крепостного права у них не осталось никаких иных путей к обогащению, кроме успешного продвижения по службе и чинов".

Князья и дворяне жертвуют благом отечества ради своих эгоистических интересов. И,

понимая это, неграмотный горец Шамиль считает желательным распространить на всех грузин свободный и равноправный образ жизни чеченских кланов, которые никогда не знали крепостничества.

Текст повести подводит читателя к мысли о необходимости завоевания власти новыми героями — абреками, истинными людьми гор.

Власть

В мире господствует насилие, только оно побеждает. В мире царствует абсолютная несправедливость и властвует тотальное насилие.

И в животном, и в людском царстве блаженствует лишь тот, кто завоевал власть. Ему же принадлежат и все женщины.

Шамиль предстает у Казбеги идеалом вождя.

"Ехал Шамиль, имам Чечни и Дагестана, гроза для врагов, верный и самоотверженный воин во имя свободы братьев и отчизны своей! Его открытый лоб, ясный и пронизательный взгляд свидетельствовали об уме, отваге и гордости, тонко сжатые губы говорили о внутренней страстности, резкие борозды на лице подчеркивали твердость и непреклонность этого человека.

Юноши, давно уже ожидавшие, вскочили на коней и, приветствуя стрельбой своего любимого предводителя, помчались ему навстречу".

Шамиль — спаситель. "Имя Шамиля было окружено большой славой. На него уповали все горские народы, ожидая от него спасения и освобождения".

Власть приносит славу! А слава нужна, чтобы не умереть, стать как бы бессмертным. "Он хотел умереть храбро, мужественно, чтобы слава о нем долго жила в горах, чтобы девушки вспоминали о нем в своих плачах и песнях, восхваляли его бесстрашие и отвагу".

Власть пользуется недовольством толпы. А толпу можно зажечь, возмутить, вызвать у нее жажду крови.

"Дня не проходит, — говорил старец, — чтобы гяуры, как голодные коршуны, не нападали на наши земли, не отнимали у нас нашего имущества и не насыщали им свою ненасытную утробу. А все, что не могут захватить, они, не думая о завтрашнем дне, топчут ногами и предают огню... Нет ни одного села на их пути, которое бы они не спалили, нет женщины, которую бы не обесчестили! Всюду они сеют несправедливость, жестокость и бесчеловечность!

Народ зашумел, заволновался, но тотчас же снова замер и продолжал слушать, затаив дыхание.

— Можно ли нам, правоверным магометанам, терпеть насилие гяуров?! — воскликнул старец.

Смерть им, смерть! — закричала вся толпа".

Истинная власть не считается со смертью исполнителей ее замыслов. Их смерть — безделица. "Что могла значить смерть нескольких казаков? Казаков заменят другие казаки — в них нет недостатка в станицах".

И нет жалости к уготовленным. Медлить с их уничтожением нельзя.

"— Да, правда... Зачем медлить с обреченным! — сказал Коба и прицелился".

Величие людей вне закона

У Казбеги истинно героические характеры— не благородные князья, обреченные стенаниям и скитаниям до тех пор, пока они не спасут из плена своих невест и не обретут правого трона. А беззаконный люд, абреки, которые живут набегами на стада и нападают из засады на русский конвой.

Традиционные совершенства грузинского великодушия воплощают абреки — жертвы национального притеснения и социального неравенства.

В перевернутом мире, где преступниками являются стражи закона, добродетель сконцентрирована в банде разбойников, мстящих законным властям дерзкими и блестящими подвигами — грабежами и убийствами.

Только люди вне закона могут помочь обездоленным. "Мы — абреки. Странно! При

организованном управлении, когда начальники, диамбеги, судьи, приставы и всякие другие чиновники наводняли страну, как муравьи, и делали вид, что чинят правосудие, простая, ни в чем не повинная женщина умоляла человека, совершившего убийство, защитить ее от несправедливости!"

Грабеж оправдан. Абреки вынуждены промышлять грабежами. "Сначала они занялись угоном скота из новых станиц, перегоняли его в Чечню, где сбывали за полцены. Немало коней угнали они, немало волов закололи, немало врагов перебили".

Место законного порядка занял разбойничий, уголовный кодекс верности.

Мир испорчен, и бесстрастные убийцы никому не доверяют

Коба неразговорчив, но находит необходимым наставлять Иаго в мужественности: "Не подобает мужчине горевать без толка". Это прямое отрицание эмоциональности.

Коба редко проявляет свои чувства, предпочитая скорое и решительное действие. Если нужно, то и убийство.

Убить врага — не грех. Убивать необходимо: "так верней и легче. Враг будет уничтожен сразу".

"— Коба, почему не расскажешь о себе? — Что рассказывать?.. Убил человека, кровь за мною, пришлось бежать. — Кого же ты убил, когда? — встревожился Иаго. — Разбойника одного. — За что убил? Как это случилось? — и весь обратился в слух. — Шел на охоту. Услышал в лесу женский крик. Свернул туда. Вижу — несколько мужчин набросились на женщину. Я кинулся на помощь, ну, и прикончил одного. — Мужчине всегда подобает поступать по-мужски! — радостно воскликнул Иаго".

В равной степени важно, что Коба не доверяет никому. "Коба пристально смотрел на женщину, стараясь постигнуть, можно ли ей доверять. — Бог ведает, правду ты говоришь или прикидываешься? — Ох! — воскликнула женщина. — Никто еще не сорвал платка с моей головы, никто не отнял у меня совести! Зачем мне лгать? — Кто знает?.. Времена изменились. Брат предает брата, сестра — сестру! Так ты правду сказала?"

Соратники, окружение опасны: они прибирают к рукам начальника, не умеющего без них обойтись. И он, сам того не сознавая, превращается в покорного исполнителя их воли.

"Его окружали, главным образом, люди, потерявшие совесть и честь, развращенные новыми порядками и порвавшие всякую связь с собственным народом. Можно себе представить, насколько справедливы и правдивы были их донесения".

Соседи — тоже тайные неприятели, открыто не враждуют, притворяются.

Родные — первые враги: "Нуну с ужасающей ясностью поняла, что перед нею не друг, способный понять ее чувства, а чужая женщина, давно уже неумолимо решившая ее судьбу, что она не изменит своего решения и никакие слова, никакие мольбы ее не смягчат".

Повсюду одна измена. "Теперь тот в почете, кто предает своего друга, доносит на соседа, эти выродки в силе, они господствуют!"

Предатели! Их жизнь не стоит ломаного гроша.

"Вдруг всех поразила горькая мысль, что они преданы. Все взглянули на предателя.

Предатель ловко увернулся и выпрыгнул в окно, но свалился тут же под стеной, сраженный пулями солдат, которым было приказано стрелять во всякого, кто попытается бежать из комнаты.

— Я предал товарищей и достоин такой смерти! — успел крикнуть доносчик. — Я погубил вас!

Новая пуля размозжила ему череп, и мозг его брызнул на стену".

Как это хорошо и правильно!

Эволюция Кобы в Сталине

У Сосо не было кризиса идентичности. На четверть века, как минимум, он становится Кобой.

Пока что он, как и Коба, вынужден выжидать удобного часа, культивируя в себе тем временем мстительные чувства.

Коба-Сталин пылко и ревностно участвует в вооруженных ограблениях банков и набегах

на конвои в ходе так называемых экспроприаций (1906—1908 гг.). Но после поражения революции 1905—1908 гг. Сталин постепенно расстается с образами своей туманной юности. Банда вытесняется дисциплинированным аппаратом, герой-одиночка — массовым движением.

Искусство интриг, диссимуляции и симуляции служило вернее, чем кодекс чести и прямой подход к решению проблем у наивного Кобы.

Зрелый Сталин явно взял у Кобы ни благородства, ни идеи служения народу. Разбой? Да! Тысячу раз да! Но не для Шамиля. Надобно — вместо Шамиля.

Сталин идентифицирует себя уже с агрессивными врагами Кобы — предателем Гирголой и русскими завоевателями.

"Гиргола был упрям и смел. Обладая каменным сердцем, он, однажды пожелав чего-либо, достигал этого любой ценой. Ни мольбы, ни слезы, ни чужое горе не могли его удержать".

Даже на вершине власти Сталин ощущал себя хитрым человеком вне закона, постоянно избегающим западни, единственным уцелевшим.

Образ Кобы, выгравированный в памяти отрока Сосо Джугашвили, присутствовал в постоянном бреде преследования престарелого товарища Сталина.

Коба не умер в Сталине, а с годами регрессировал к ухудшенной своей версии. В наиболее параноидальной, послевоенной, фазе Коба-Сталин увидел вокруг себя мир, где не было места никому, кроме предателей и/или двурушников.

Прежде вокруг него всегда была небольшая банда абреков, но теперь он ясно видел, что и они (если не сами, то их жены уж точно) — изменники.

Подростковая идентификация с Кобой бедного, подавленного и страдающего мальчика, претерпев несколько метаморфоз, вошла одним из ингредиентов в кровавый контекст политического стиля XX века.

Чтение по Закону Божьему и истории церкви

Иосиф стал пожирателем книг и, по свидетельству многих, перечитал почти все, что было в Горийской библиотеке.

Особенно хорошо изучил он историю церкви и церковных ересей. И способы борьбы церкви с ересями.

Оказывается, преследование заблудших есть самое богоугодное дело. Испокон веку преследование инакомыслящих имело целью их ограбление. Имущество еретиков всегда конфисковалось. Смертная казнь никогда не была самоцелью, она абсолютно неукоснительно сопровождалась конфискацией добра у казнимого.

Инквизиция как прообраз идеально управляемого Града привлекла жадное внимание Сосо. Какое великое это изобретение — инквизиция! Оказывается, доносчики обеспечивают проникновение государства во все сердца, головы и дома без единого исключения! Как это просто и как результативно!

Со страниц книг перед взором Кобы возникала ярчайшая картина торжества СТРАХА.

Инквизиция

Девиз первой инквизиции — XIII века: "Бойтесь Бога и воздавайте хвалу Ему, ибо приближается час суда Его". Мало бояться Бога, надобно из страха перед скорым судом восхвалять его.

Августин, неоспоримый авторитет церкви, показал, что страх и наказание спасительны для верующих: строгость есть акт человеколюбия, подлинное спасение души погибавшего. Впрочем, имущество спасаемого совершенно необходимо отобрать во всех случаях.

Завистливые глаза жадно устремлялись к богатым — городам, областям, людям. Крестовые походы против неверных Востока весьма поправляли состояние финансов крестоносцев.

Как легко и просто поживиться за счет богатых!

Инквизиция пользовалась недовольством бедных и невежественных классов богатыми и образованными. Всякий имущий возбуждает зависть меньше его имущего, поэтому разыскать недовольных людей нетрудно. А заодно единомышленников и укрывателей

богачей. Надобно просто платить доносчикам деньги и давать им небольшой процент от добычи.

Новая, самая яркая, эра инквизиции начинается в пятнадцатом столетии. Ее девиз тоже хорош, как и самый первый. Он гласил: "Едино стадо и едина вера". Как это мудро!

Умница Торквемада первый придал инквизиционному трибуналу политический характер. Под шумок религиозных диспутов с пути правительства заодно удалялось все, что могло вредить власти. Правительство получает львиную долю поступлений от денежных штрафов и конфискации. И это правильно!

Богатого надобно не только освободить от богатства, его надобно долго и страшно мучить перед сожжением, чтобы пораженный страхом народ не вздумал укрыть хоть полушки от взоров властей.

А чтобы некому было мстить за ограбленных, замученных и убитых, искоренению подлежат также все родственники погибшего, включая детей.

"Сострадание к наследникам виновного, — говорится в руководстве для испанских инквизиторов, — не должно смягчать строгости, так как, по божеским и человеческим законам, дети наказываются за грехи отцов".

И как же это правильно! Только зачем говорить об этом открыто?

Кто сознавался в еретических мыслях до срока, добровольно и, главное, открывал других еретиков и отступников, мог рассчитывать на помилование. Но добро всех еретиков в любом случае — раскаяния или сожжения — подлежало конфискации. Как же это верно!

Чтобы никто и ни при каких обстоятельствах не мог опровергнуть обвинения в ереси, всякого арестованного автоматически объявляли нераскаившимся при малейшей его попытке отрицать обвинение. Разве это не гениально?

Действительно, если ты считаешь, что власть может арестовать тебя по ошибке, ты противник власти! Глупец, коли арестован, то, значит, надобны твои пожитки, или твое рабочее место, или просто твоя слишком умная голова. Скорей сознавайся, что ты — еретик, а то ведь палачи давно ждут пищи для развлечений и удовольствий. Им надобны кровь, мучения, стоны, агонии, трупы. Как это прекрасно!

Жалованье следователям выплачивалось за счет конфискации. Чем больше арестов и обвинений, тем выше заработная плата. Как это мудро!

Противники инквизиционного террора всегда гнездились почти только в среде интеллигенции, притом наиболее передовой. Вот почему инквизиция с особенной яростью преследовала интеллектуалов. Она опиралась при этом на те самые народные массы, которые интеллигенция защищала, и неумолимо уничтожала проявления свободной мысли и творческого гения. Как это правильно, как необходимо!

Доносы и недоносительство

Инквизиторы приглашали к себе коменданта какого-либо поселения и предписывали ему исполнение всех их действий. Иначе ему и городу грозило отлучение. Виновных в ереси (хранении золота, иностранной валюты, запрещенных книг и т.д.) приглашали явиться к инквизиторам для раскаяния в видах легкого церковного наказания.

Физиономия города сразу менялась. Граждане от мала до велика спешили на все богослужения. Общение со знакомыми ограничивалось только тесным кругом. Все боялись друг друга: родители — детей, дети — родителей, хозяева — слуг. Беседы велись на благочестивые темы.

Между тем помещение инквизиции начинали осаждать по ночам разные личности. Давние ссоры с соседом, затаенное недовольство и злоба — все это выходило наружу теперь в приемной инквизиции для населения. Там с охотой выслушивали доносчиков и вносили их вести в особую книгу.

Все спешили донести друг на друга, поскольку *недонесение* было не меньшим преступлением, чем сама ересь.

Два свидетеля по слуху считались равносильными одному очевидцу. Кто отрицал обвинение, того объявляли упорным. Его переносили в камеру пыток.

Пытали в подземелье, чтобы ни один вопль не доносился до слуха посторонних.

Пытка нередко кончалась смертью узника тут же, в зале мучений, или в темнице, куда его переносили после каждой пытки. Умерших потом публично сжигали или тайно хоронили. Конечно, тайно — лучше!

Большинство признавалось в чем угодно после первой же пытки, но это лишь подводило их под категорию сознавшихся из страха мучений и все равно вело к казни. Этих жертв из милости сперва душили и потом уж сжигали.

Инквизиция показала всему миру, как экономически выгодны депортации разных племен. Все племена не любят друг друга. Изгнание одних всегда приветствуется другими. Собственность, движимость и недвижимость, скарб и пожитки изгнанных остаются гонителям. И некому их требовать назад. Изгнания целых народов — один из наиболее эффективных способов массового грабежа.

Как это одобрялось всеми, а недовольных немедленно уничтожали. Сами уничтожали друг друга! Как это восхитительно!

В Советском Союзе Сталин один к одному повторил идеологию и возродил почти все методы исторической инквизиции.

"Индивидуальный террор не выход", — не раз подчеркивал генсек. Сталинская инквизиция была средством массового ограбления и уничтожения ограбленных, а также запугивания множества людей. Простого признания в ереси было для генсека недостаточно. Только вступив в ряды обвинителей, "еретик" (например, внезапно объявленный таковым верный подручный Сталина Емельян Ярославский) иногда мог рассчитывать на некоторое снисхождение (R. Tucker).

Великий инквизитор товарищ Сталин организовал многочисленные дела по уничтожению одной группы людей за другой. Аппарат госбезопасности использовался им как орудие в этой борьбе с собственным народом.

Сложился сталинский инквизиционный процесс с системой доносов и "доказательств". Сталин инициировал разработку и осуществление пыточных следствий.

Пытки были важнейшим источником "признаний" арестованных во вредительстве, заговорах, покушениях и шпионаже.

Избиение младенцев

Ветхий Завет ему нравился много больше Нового Завета.

Ветхозаветный закон "Око за око, зуб за зуб" был много правильнее непротивления злу насилием.

Зависть — прекрасное и законное чувство. Оно естественно ведет к оправданному убийству.

Доказательство — Авель, сын Адама и Евы, убитый из зависти старшим братом Каином, когда Бог предпочел дары Авеля. Что, Бог не знал, чем дело кончится? Конечно, знал. Значит, — оправдывал, даже провоцировал убийство из зависти!

Нет, решительно не по душе Кобе непротивление злу, которое проповедует Иисус.

Куда приятнее жестокие дела великих властелинов, о коих есть данные и в Новом Завете.

Вот Ирод I, к примеру. Частное лицо, сотрудничает с римскими завоевателями и в свои 25 лет назначается правителем Галилеи. Мстительный, кровожадный, без суда казнит всех подряд. После бесчисленных расправ с недовольными становится, наконец, царем Иудеи. Троном овладел с помощью войск.

Мнительный, подозрительный, безжалостный, Ирод уничтожает всех, в ком видит соперников, прежде всего, своих собственных сыновей. По поводу этих казней Август произносит известную фразу: "Лучше быть свиньей Ирода, чем его сыном". Убивает свою жену, изводит всех ее родных мужского пола. Уже смертельно больной, Ирод предает казни своего первенца и наследника.

Согласно Евангелию от Матфея, Ирод приказал прикончить всех мальчиков в возрасте до двух лет в Вифлееме, чтобы не сбылось предсказание о появлении нового царя — Христа. Избиение младенцев!

Тем не менее, в анналы человечества Ирод I вошел под именем Великого!

Плач об избитых "великим" Иродом младенцах невольно приходит на ум, когда читаешь об избитых "великим" Сталиным детях. Не жили ли в его больной психике следы библейской истории, когда он в 1935 г. издал указ о том, что дети в возрасте от двенадцати лет могут быть арестованы и подвергнуться наказанию, включая смертную казнь, наравне с взрослыми?

Ранее, в 1932 г., во время искусственного, специально организованного им, страшного голода на Украине, товарищ Сталин лично издавал указы о том, чтобы расстреливать "беспзорных" детей, которые воровали еду из железнодорожных вагонов. Число детей, умерших от голода в 30-е гг., оценивается большинством историков приблизительно в два миллиона.

В ходе и в результате депортаций погибло множество младенцев, число их установить невозможно.

Сталинские инквизиторы хватали детей любого возраста (при аресте их родителей), даже малолеток.

Десятилетние мальчики из Ленинск-Кузнецка под пытками признались в "контрреволюционной, фашистской, террористической" деятельности.

Когда товарищ Сталин арестовал Александра Сванидзе, он велел выбить из 11-летнего сына Сванидзе показания против своего отца. По указанию Кобы также поступили и с сыном Л.Б. Каменева.

Книги по гражданской истории

Как обнаружил Коба, история состоит из царей, а не из народных масс.

Царем можно стать, не будучи царского рода. Путь к тронам лежит через военные подвиги, которые некоторые глупцы называют военными преступлениями. Военные подвиги, совершенные вопреки требованиям справедливости и сопровождающиеся явным забвением человеколюбия, внушали Кобе особый род уважения.

Но, в конечном счете, история всегда оправдывает победителей!

Восхищение успехом научает иногда даже самому почтительному отношению к насилию, которое освящено успехом и которому нет возможности сопротивляться. Насилию, которое совершается людьми, подобными Аттиле, Чингисхану или Тамерлану.

Завоеватели назывались частенько в книгах "бичами Божьими", т.е. в целом богоугодными людьми. А какая их сопровождает вечная слава!

Мировые завоеватели

Вот, например, Аттила, герой V века, верховный вождь гуннов. Его имя окружено легендами и преданиями.

Это был невысокий коренастый человек с непропорционально большой головой (тоже не красавец!), более того — с плоским носом и раскосыми глазами. Он и его брат напали на Римскую империю. По договору империя обязалась ежегодно платить ему около 300 кг золота в обмен на мир. Оказывается, власть — это еще и богатство. И достается оно просто по праву завоевания!

Потом Аттила *убил* своего брата и стал править единолично. А как же иначе? История его оправдала!

Он давал величайшие сражения в европейской истории. На поле битвы оставалось от 250 до 300 тысяч воинов. История не считает это грехом! Напротив, это у всех вызывает удивленное восхищение.

Или вот Чингисхан, тоже замечательный завоеватель. Пришел почти из безвестности, детство имел страшнейшее. После смерти отца его приверженцы тотчас покинули его вдову и детей; семья несколько лет скиталась в лесах, питаясь кореньями, дичью и рыбой.

Возмужав, Темучин (так его звали с рождения) постепенно собрал вокруг себя некоторое число сторонников, присоединился к хану и принял участие сначала в борьбе против усилившихся татар, потом против хана. Какие могут быть друзья у вождя?!

Естественно, что он провозгласил себя ханом и псевдоним взял очень красивый —

Чингиз.

Какой он молодец! Сразу же дал государству строго аристократическое устройство. Окружил себя телохранителями, которые пользовались значительными привилегиями сравнительно с прочими монголами, но подчинялись строгой дисциплине.

С дарованиями полководца он соединял организаторские способности. Его непреклонную волю и самообладание не могли поколебать ни неудачи, ни оскорбления, ни обманутые надежды.

Успех деятельности Чингиза объяснялся в учебниках истории только его гениальными природными дарованиями. У него не было ни предшественников, которые бы подготовили для него почву, ни сподвижников, которые бы могли оказывать на него влияние, ни достойных преемников.

Как монгольские военачальники, так и находившиеся на монгольской службе представители культурных наций были только орудием в руках Чингиза.

Чингиз остался непререкаемым авторитетом. В глазах современников и потомства Чингиз был единственным создателем и устроителем монгольской империи.

Вот у кого надобно учиться целеустремленности и истинному величию.

Карьера Тимура (Тамерлана), одного из крупнейших мировых завоевателей, во многом напоминает успехи Чингисхана. Они оба начали свою деятельность как предводители набранных ими лично отрядов приверженцев. Подобно Чингисхану, Тимур лично входил во все подробности организации военных сил. Он имел подробные сведения о силах врагов и состоянии их земель, пользовался среди своего войска безусловным авторитетом.

Тимур не получил школьного образования и был неграмотен, но любил беседовать с учеными. В особенности слушать чтение исторических сочинений. Своими познаниями в истории он привел в изумление величайшего из мусульманских и мировых историков — Ибн Халдуна.

В отношении Тимура к религии виден хороший политический расчет. Тимур оказывал внешний почет богословам и отшельникам, закрывал увеселительные заведения в больших торговых городах, несмотря на крупный доход, доставлявшийся ими казне. Но лично не отказывал себе в запрещенных религией удовольствиях.

Главное же, Тамерлан не допускал распространения ересей. Он запретил заниматься философией и логикой. Какой молодец!

Чтобы оправдать свою жестокость религиозными мотивами, Тимур в шиитском Хорасане и в прикаспийских областях выступал поборником правоверия и истребителем еретиков. В Сирии — мстителем за обиды, нанесенные семье пророка.

Очень плохо, что о Тимуре пишут как о психически ненормальном человеке. В жестокостях Чингисхана видят только холодный расчет. А у Тимура находят болезненное, утонченное зверство.

Может быть, следует объяснить это страданиями, которые он переносил всю жизнь. Хромой, израненный, болезненный. Как и Кобу, его никто не любил, ему только служили из-за своих интересов.

Генсек Сталин скажет потом: "Предпочитаю людей, которые поддерживают меня из страха, людям, которые поддерживают меня из убеждения: убеждения меняются, страх остается".

Разговаривая с католиком Грузинской православной церкви в середине 40-х гг., Сталин спросил его: "И кого же Вы больше боитесь — меня или Бога?" Служитель церкви был в замешательстве и не смог ответить.

Тогда Сталин заметил: "Я знаю, что Вы больше боитесь меня, иначе Вы не пришли бы на встречу со мной в обычной гражданской одежде".

В этом случае наблюдение Сталина полностью подтвердилось. Католикос действительно боялся его больше, чем Бога (сообщение Р. Медведева).

Революция как путь к власти

Революции хороши своей узаконенной жестокостью и как столбовой путь к власти. Вот,

например, Кромвель или Наполеон. Безвестные люди! Без революции остались бы нераскрытыми их таланты.

Кромвель, вождь, полководец, государственный деятель, до смерти диктатор. А родился в семье небогатого землевладельца, учился в городской школе. После установления республики Кромвель становится фактически ее правителем.

Подавляет восстание уравнителей (что может быть глупее равенства?!), потом высаживается с армией в мятежной Ирландии и завоевывает ее, молодец, с невиданной дотоле жестокостью.

Затем отправляется подавлять и монархистов (нужен только один монарх — он сам).

А Наполеон? Объявил себя Императором, и все тут. О Наполеоне Сталин скажет особо: "Завоевательная политика со всеми ее мерзостями и грязью вовсе не составляла монополию русских царей. Всякому известно, что завоевательная политика была также присуща... такому императору буржуазной формации, как Наполеон, который, несмотря на свое нецарское происхождение, с успехом практиковал в своей внешней политике и интриги, и обман, и вероломство, и лесть, и зверства, и подкупы, и убийства, и поджоги.

Понятно, что иначе и не могло быть".

Конечно, иначе и не должно быть. Беда наполеонов — в недостаточной решительности. Не умели доводить дело до конца. Вот и Иван Грозный не всех бояр вырезал. Сталин говорил Сергею Эйзенштейну, что Грозный "не дорезал до конца" мятежных бояр.

Занимаясь биографией Сталина, Эдвард Радзинский среди книг личной библиотеки Сталина нашел пьесу А.Н. Толстого об Иване Грозном. На задней стороне обложки Сталин несколько раз написал слово "Учитель". Учитель с Большой буквы.

"Бориса Годунова" Коба перечитал в обсерватории, где после исключения из семинарии работал статистиком. Но познакомился с трагедией еще в Гори. Народ в "Борисе Годунове" глуп и легковверен. Бояре мнят равного себе в государе. Они мешают самовластию.

Сущность власти — хитрость и твердость.

Если бы Гришка Отрепьев был более тверд, то этот двадцатилетний расстрига, одна рука короче другой, ростом мал, грудь широкая (просто портрет Кобы), сумел бы не только достичь высшей власти, но и удержать ее.

Итоги: столбовая дорога

Исходя из своего отношения к миру, Коба по-своему интерпретировал и оценивал поглощаемые им книги.

Ненавидящий людей Коба нашел в литературе истинное утешение. Да, мир испорчен. Из истории видно, что поэтому Бог всегда на стороне зла.

Вопрос в том, чтобы выйти на столбовую дорогу, ибо тот, кто удаляется от главного пути, всегда не прав.

В испорченном мире кто не желает идти по столбовой дороге, обречен на гибель. Всякий встречный его толкает и оттесняет как слабейшего и беззащитного, и у него нет никаких шансов выжить.

Добродетель презренна, ибо слаба: она застенчива и щепетильна, не решается ни на какое сопротивление.

Совесть с детства должна быть приучена преодолевать нравственные предрассудки. Угрызения совести суть не что иное, как лепет бесхарактерной и немощной души, у которой недостает смелости их подавить. Как? Привычкой. Почаще совершай те из поступков, которые порождают у обычных людей угрызения совести. И вскоре тебе без труда удастся их заглушить.

Преступление не только не противоречит фундаментальным законам природы, но с необходимостью из них вытекает. Все пожирают всех, и горе слабому или зазевавшемуся.

Бесконечная цепь пороков и преступлений ведет к успеху — к власти.

Созерцание смертной казни

Одним из самых сильных впечатлений Кобы в Гори была публичная казнь двух преступников 13 февраля 1892 г.

Что же понял Коба из сопоставления реальной казни с ее описаниями и трактовками в исторических работах?

Убивать надо, грабить надо, но так, чтобы остаться *безнаказанным*.

В мире существуют две разновидности злодеев. Первые, наделенные неограниченной властью, надежно защищены от трагической развязки.

Другие, попав в руки правосудия, никак не могут ее избежать. Им все равно нечего терять.

Жестокость и несправедливость завоевателей часто вызывают удивление и восхищение.

Но такие же поступки убийц и обыкновенных грабителей возбуждают только презрение, ненависть и отвращение.

Первые, хотя они в тысячу раз виновнее и вреднее, часто называются великими людьми и героями, особенно если предприятия их увенчались успехом. Между тем как вторые считаются самыми презренными людьми, как за свое безрассудство, так и за свои преступления. Однако же поступки их одинаково преступны.

Глупая и примитивно благочестивая мать уверяет его, что все хорошее в жизни происходит от Бога. Он никогда не верил ей. Бог одобряет и благословляет лишь злое и ужасное. Слабое обречено Богом на гибель.

Разве это не очевидно? Убедись, бросив взгляд на виселицу.

Л.Б. Каменев как-то заметил Л.Д. Троцкому в 1925 г.: "Ты думаешь, что Сталин озабочен ответом на твои аргументы. Ничего подобного! Он вычисляет, как тебя ликвидировать и остаться безнаказанным".

Коба знал из истории церкви и истории революций, что самая безумная жажда крови, ужаса и мучений людей получает фантастически большое удовлетворение, как только становится безнаказанной. Так было всегда. Единственно верный путь к безнаказанному грабежу и убийствам — путь к всевластию.

В Тифлисской духовной семинарии

Мрачное, душное однообразие, мало чем отличающееся от тюремной атмосферы, которое царило в семинарии, резко контрастировало с бытием Сосо в Гори.

Там он жил дома, огрызался и задираал однокашников. Там наслаждался свободой убежать от наказаний, бродить по холмам и читать, читать, читать. Теперь он оказался в монашеском пенитенциарии.

Несомненно, он стремился вырваться из этой угрюмой темницы, которую так хорошо описал Иремашвили: "Запертые в стенах барака, мы чувствовали себя заключенными, не виновными ни в одном преступлении, но вынужденными отбыть долгий срок лишения свободы. Унылая и подавляющая атмосфера без единой возможности для проявления юношеского темперамента".

В обстоятельствах, столь чуждых его властному характеру, Сосо сначала ушел в мир грез, раздумий и чтения. Затем он нашел совершенно неожиданный, но логичный для себя выход.

Чтение в Тифлисе

Став студентом семинарии, Коба отдался самообразованию. Его сокурсник Вано Кецохели вспоминал: "Он утратил любовь к играм и детскому времяпрепровождению. Он стал углубленным в себя и в какой-то мере одиноким. Он бросил игры, но не книги. Он имел обыкновение забиться в угол и усердно читать".

Прежде всего, Коба углубился в изучение церковной истории. Теперь его глубоко волновали иезуиты.

Орден Иисуса

Сталин очень жаловался на засилье иезуитских методов в Тифлисской семинарии.

По словам Сталина, в их семинарии царствовали "иезуитские методы". Они включали в себя слежку и доносительство молодых людей друг на друга, обыски и копание в личных вещах семинаристов, попытки читать в душах людей и т.п.

Специальные службы сталинского режима делали вещи и посерьезнее. Главное, что Сталин иронически критикует эти методы как именно иезуитские.

Когда Эмиль Людвиг спросил Сталина в 1931 г., не видит ли он положительных сторон в

иезуитских методах, тот ответил: "Да, они были последовательны и упорны в достижении своих дурных целей. Но их главный метод — подслушивание, подглядывание, шпионство, вмешательство во внутреннюю жизнь, насилие над чувствами людей, что может быть положительного в этом?"

Недурно был знаком Коба с иезуитами.

Одной инквизиции мало. Инквизиция, конечно, необходима для государственного террора и потребна государственной казне.

Но массы нуждаются не только в узде дикого страха, им надобно еще воспитание. История церкви показывает, что только система воспитания с младых ногтей до глубокой старости способна прочно внедрить в массы желательный образ мысли и соответствующий образ жизни.

Всесилие воспитания таково, что оно, наряду с мерами принуждения и устрашения, способно завоевать весь мир. Эту и только эту цель имел орден иезуитов, созданный Игнатием Лойолой 22 апреля 1541 г. Лойола гордо заявил на церемонии разрешения его ордена церковью: "Мы, рыцари, призваны самим Богом, чтобы духовно покорить весь мир. Поэтому вполне необходимо, чтобы наше товарищество образовало боевую дружину, способную просуществовать до конца мира".

Главной задачей Ордена Иисуса Лойолы было овладение воспитанием и образованием молодежи, преподаванием в низших, средних и высших учебных заведениях. Все иное было для иезуитов второстепенной задачей. Иезуиты при этом сознательно стремились к всемирному господству, к всемирной монархии с собой во главе.

Коба учится организации власти

Так называемые привлеченные члены ордена, или иезуиты светские, число которых всегда было очень велико, чаще всего воспитывались в иезуитских учебных заведениях и сохраняли связи с бывшими своими наставниками и воспитателями. Польза от "привлеченных" велика и понятна. Это были доносчики.

Среди "привлеченных" — чиновники, священники, военные, профессора. Адвокаты, медики, кокотки, моряки, дипломаты, помещики, заводчики. Придворные, великосветские дамы, писари, модистки, газетные репортеры. Нищие, полицейские чины, художники, торговцы. Актеры, мастеровые, литераторы. И все остальные.

Генерал ордена — абсолютный его монарх, ничем и никем не ограниченный в своих действиях. Все члены ордена повинуются генералу беспрекословно, не позволяя себе рассуждать, и слепо.

Забота генерала — развитие и процветание его всемирной монархии, его государства в государствах. Важнее всего для него знание человеческих слабостей. Он обязан обладать железной волей, решимостью и осторожностью.

Вся иезуитская монархия делится на провинции, во главе которых стоят губернаторы. Губернаторы назначают преподавателей для послушников и учеников, профессоров и членов советов в коллегиях.

Система управления пронизана сложными и взаимно проверяющими сетями шпионажа за каждым членом иерархии.

Доносчики получали жалованье и за внешний, и за внутренний надзор.

Светская литература

Светскую литературу читать запрещали, но для Кобы она была жизненно важна. Он тайком зачастил в "Дешевую библиотеку" неподалеку от семинарии. В ноябре 1896 г. власти конфисковали у него "Тружеников моря" В. Гюго, книгу из этой библиотеки. В наказание его посадили в карцер.

В 1897 г. его снова поймали с запрещенной литературой и приговорили к длительному заключению в той же одиночке. Эти жестокие наказания разжигали огонь его мстительной озлобленности.

В другой раз у него конфисковали "Девяносто третий год" Виктора Гюго. Главное лицо в галерее образов революционных героев — бывший священник Симурдэн, который "имел

мрачную душу".

Наш угрюмый семинарист, который мог уже видеть себя бывшим священником, должно быть, с интересом читал дальнейшие характеристики, содержащиеся в романе Гюго.

"Прежде всего, он был упрямец. Он пользовался мыслью, как другой пользуется тисками. Уж если какая мысль западала ему в голову, он считал своим долгом додумать ее до конца и лишь после этого отбрасывал прочь. Он мыслил с каким-то ожесточением. Он учился беспрестанно, и день и ночь, что помогало ему нести бремя целомудрия. Но нет ничего опаснее постоянного обуздания чувств.

Строгим оком заглянув в свою душу, он почувствовал себя нравственным калекой...

Еще при жизни Людовика XV Симурдэн был республиканцем. Какая республика грезилась ему? Быть может, республика Платона, а может быть, республика Дракона.

Раз ему запретили любить, он стал ненавидеть. Он ненавидел... настоящее и громко призывал будущее. Он понимал, что конец прискорбной драме человеческих бедствий положит некий мститель, который явится в то же время и освободителем. Он загодя предвкушал грядущую катастрофу.

В 1789 году катастрофа, наконец, пришла, и он встретил ее в полной готовности. Симурдэн отдался высокому делу обновления человечества со всей присущей ему логикой. Что у человека такой закалки означает: со всей неумолимостью; логика не знает жалости. На его глазах год от года все выше вздымалась волна событий, и он сам как бы становился выше.

Симурдэн обладал властью, которая в те дни и в той трагической по духу среде давалась неумолимым. Он оставался в тени, но влияние его было значительным. Никто ни разу не видел, чтобы взор его увлажнили слезы. Сам Эбер побаивался Симурдэна.

Для священника в революции нет середины. Превратности революции могут привлечь к себе священника либо из самых низких, либо из самых высоких побуждений. Он или гнусен, или велик".

Кровавый бывший священник проявляет в романе чудеса изуверства. Он мазохистски гильотинирует единственное любимое им существо. Правда, он совершает глупость: в фанатическом экстазе убивает себя. Непростительная бессмысленность.

Иосифу нетрудно было усмотреть в революции поле славы и власти. "Девяносто третий год" В. Гюго, несомненно, стимулировал работу его воображения в этом направлении. Сходство его судьбы и настроений с образом Симурдэна очевидны.

Гюго для Кобы Джугашвили стал Вергилием в его путешествии по аду французской революции XVIII в. Он подробно изучал ее историю. Особенно террор и явление Наполеона.

Коба многому научился и у нее, истории, и у него, Наполеона. Императора без роду и племени, превратившегося из корсиканца во француза при малом росте и образовании.

Тирания и диктатура

Коба очень любил историю Рима.

В "Отчетном докладе XVII съезду партии" (1934) Сталин под гром аплодисментов проводил блестящие исторические параллели между Древним Римом и международным положением СССР. "Известно, что старый Рим точно так же смотрел на предков нынешних германцев и французов, как смотрят теперь представители "высшей расы" на славянские племена. Известно, что старый Рим третировал их "низшей расой", "варварами", призванными быть в вечном подчинении "высшей расе", "великому Риму", причем, — между нами будь сказано, — старый Рим имел для этого некоторое основание, чего нельзя сказать о представителях нынешней "высшей расы".

В истории Римской империи было немало полезного.

Чтобы стать императором, деспотом, необходимо ослабить власть знати и народа, а для этого противопоставить друг другу интересы граждан.

После того как среди граждан посеян раздор, становится необходимым для развращения и принижения людей постоянно держать сверкающий меч тирании перед их глазами.

Надобно низводить добродетель на степень преступления и наказывать за нее как за

такое.

Во время царствования Домициана, говорит Тацит, добродетель наказывалась смертным приговором. Рим был переполнен доносчиками; раб был шпионом своего господина, вольноотпущенник — своего патрона, друг — шпионом своего друга.

В это время добродетельный человек хотя и не участвовал в преступлении, тем не менее, должен был оказывать ему поддержку. Смелость была бы сочтена преступлением.

Знаменитые писатели были обречены, подобно Плинию, на составление учебников по грамматике, потому что всякое произведение более высокого характера являлось подозрительным в глазах тирании и опасным для автора.

Философов изгоняли, науки уничтожали. Тираны хотели искоренить все носившее на себе отпечаток духовности и добродетели.

Стать деспотом необходимо. Без этого нет славы. А слава, подобно деньгам, может обмениваться на множество удовольствий; за заслуги воздаются почести. Главное же — слава есть власть.

Стать деспотом легко. Народ редко предвидит бедствия, которые несет за собой окрепшая тирания. Если же он, наконец, замечает их, то только тогда, когда согбенный под игом, обремененный цепями и бессильный защищаться, он лишь в трепете ожидает казни.

Все это подтверждает и французская революция. Оказывается, возможен полный отказ от принципов свободы. Промышленное производство и сельское хозяйство, финансы и торговлю, общественные празднества и частную жизнь граждан — все можно подвергать строгой регламентации. Недовольных поджидает "революционный террор".

Якобинская диктатура пригодилась в качестве прообраза "диктатуры пролетариата". Экспроприации якобинцев — в качестве образца для ограбления всех людей в России. Всеобщий максимум 1793 г. — как модели цен на продукты потребления и нищенской заработной платы в Советском Союзе.

Приостановить экономический и социальный кризис способна только единоличная "твердая власть" — диктатура и культ императора.

А как хороша тайная полиция Наполеона! Она была всемогущей. Такая эффективность обуславливалась созданием всепроницающей сети платных агентов. Удавалось вербовать высших чиновников и кабатчиков, светских дам и служанок, эмигрантов-аристократов и дипломатических курьеров.

Император должен иметь властность, холодную жестокость, отсутствие щепетильности. Он должен предавать всех, кто ему служит.

Веяния будущего века

Близящаяся революция привлекает пристальное внимание Кобы. Торжествующий в России нигилизм пришелся ему весьма кстати.

"Катехизис абрека"

Коба привык к стилю катехизиса. Но более всех катехизисов на свете ему был близок "Катехизис революционера", созданный Сергеем Геннадиевичем Нечаевым (1847—1882).

Нечаев родился в семье трактирного полового. С 14 лет начал работать, где учился, не установлено. Стал нигилистом.

Он написал "Катехизис революционера", который Бакуниным метко назван "Катехизисом абрека".

В нем провозглашалось, что революционер тот, кто разорвал всякую связь с гражданским порядком, со всеми законами, приличиями, общепринятыми условностями, нравственностью этого мира.

Революционер не должен останавливаться перед истреблением какого-либо человека, принадлежащего к этому миру, в котором всё и все — должны быть ему равно ненавистны.

Товарищи по революции классифицировались по степени их полезности для революции. Причем революционер более высокого разряда должен смотреть на революционеров второго и третьего разрядов как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение.

Революционер должен быть готов на подлог, обман, грабеж, убийство и предательство. Ему разрешается быть иудой даже своих единомышленников и товарищей.

Это поганое общество, подлежащее полному уничтожению, Нечаев предполагал разделить для удобства уничтожения на категории.

Первая из них составляла неотлагаемо осужденных на смерть. При вынесении смертного приговора следовало руководствоваться не личной виной того или иного человека, а революционной целесообразностью. Далее следовали еще пять категорий людей, которых следовало уничтожить позднее или использовать в интересах революции, не останавливаясь перед шантажом.

Лишь немногие могли стать настоящими революционерами.

Народ нужно подтолкнуть к поголовному восстанию. Для этого требовалось соединиться с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России.

Главной основой общественного строя будет коммунизм.

При коммунизме надо будет производить для общества как можно больше и потреблять как можно меньше. Труд станет обязательным под угрозой смерти, а всеми делами будет распоряжаться никому не подотчетный комитет. Он принудительно регламентирует все отношения в обществе.

Государственно-социалистические идеи

Тенденции, ведущие к феномену Сталина, выросли из этатистских, националистических, а также милитаристских и индустриалистских тенденций. Они веяли в воздухе, пронизывали собой газетные и журнальные публикации. Их проповедовали революционные партии.

Они сложились в Европе к исходу первой мировой войны, хотя их корни уходят в глубины истории.

Индустриализация создала небывалые дотоле возможности экономического и политического господства над бытием и мышлением человека. Технологии способствовали возникновению моделей всеохватывающего социума, тотально управляемого и жестко контролируемого из единого центра.

Идеи всепроницающего государства, национализм, социал-дарвинизм, расизм, экспансионизм, терроризм на десятилетия опередили российскую революцию. Именно эти идеи проложили путь Сталину.

Повсеместно культивировалось злобное недоверие к другим народам и расам. Преобладало душевное состояние длительной и жестокой ненависти. Месть становится жизненным идеалом не только правящих классов, но и трудящихся масс.

Личность радостно при этом растворяется в коллективе. Отдельный индивид признается лишь постольку, поскольку он совпадает с государством.

Культура утилизируется. Прославляется зло. Появляется готовность жертвовать "низшей" жизнью ради "высшей". Ради нее допустимо колонизовать всю Землю и истребить ее население. Теоретики геноцида не ведают чувств, они холодно технологизированны.

Жизнь людей понималась как агрессия, как борьба за существование. Труд — как борьба с природой, война — как высшее героическое и облагораживающее напряжение человеческих сил.

Оправдывались милитаризм и империалистическая экспансия.

Нация выше личности. Сущность нации трактовалась как "единое сознание" и "общая воля".

Насилие, война, массовое уничтожение людей становятся темой культуры.

Орудия массового уничтожения превращаются в идеал и цель индустриализации.

Идея мировой войны носится в воздухе. Ее вектор — мировое господство.

Власть становится средством и целью завоеваний. Эта великая цель оправдывает необходимые для ее достижения средства: повальный обман масс, которые должны целиком пожертвовать собой для изготовления пушек и как пушечное же мясо.

Стоит поддержать в массах трудящихся энтузиазм, и они поддержат централизованное

государство, обладающее абсолютной собственностью на средства и валовой продукт производства.

Политика проникает в стены семинарии. Умный Коба разворачивает паруса. Вот его спасение. Политика, и только она — путь к власти, могуществу, мести, уничтожению людей.

Коба чувствует, что грозит социальный ураган, что политика властвует над миром; итак — с головой в политику!

С какой страстью высматривает он случай, доставляющий ему возможность захватить власть! Нет обстоятельства, которым он пренебрег бы, коль скоро ему представится такой случай.

Он приветствует гражданские смуты, внешние войны. В пролитой ими крови, в сопровождающих их потрясениях он с восторгом видит страстно желаемые ситуации, которые позволяют ему стать выше всех.

Семинария, несомненно, развила в Кобе и ранее свойственные ему изворотливость, хитрость и грубость. С этого момента он начинает свою жуткую карьеру, которая постепенно вытесняет учебные занятия.

Это было судьбоносным поворотом во всей его жизни и, как выяснилось позже, в истории человечества тоже.

Выбор

Очевидно, интерес Кобы к марксистскому движению довольно скоро перерос в идею использовать большевизм в целях завоевания личной власти.

Классовая ненависть, на которую делают ставку марксисты, слава Богу, естественна для него и неотделима от праведной ненависти к людям и жизни вообще. Но марксизм дает моральную санкцию, легализует эту ненависть и маскирует ее под приемлемым камуфляжем.

Как справедлива ленинская идея революции с помощью и на основе легализованного грабежа! Как хороша идея мировой революции, разумеется, как пути к мировому господству!

На почве революции и сегодня достижима власть. Еще этой самой революции может и не быть, а амбиции и восхищение собой уже сразу налицо. С соперниками он раздается.

Уже и сейчас — без и до всякой революции — участие в движении дает славу. "Кто был ничем, то станет всем". Пример? Да хотя бы Август Бебель.

Вскоре Коба напишет: «Кто не знает Бебеля, маститого вождя германских рабочих, когда-то "простого" токаря, а теперь знаменитого политического деятеля, перед критикой которого, как перед ударами молота, не раз отступали "коронованные особы", патентованные ученые, слову которого, как слову пророка, внимают многомиллионный пролетариат Германии?»

Тайная организация сможет опрокинуть, как говорят русские марксисты, нынешнее самодержавие. А потом вновь установится новое самодержавие: оно называется диктатурой пролетариата. И против диктатуры не устоит никто!

В таком "социализме" нет и намека на сантименты. Простой холодный, трезвый и грубый расчет. Как это мудро!

Марксистам могут понадобиться грабители не только после революции, а здесь и сейчас. Это прекрасно — грабить подпольно и героически. Абреки и не мечтали о такой великолепной возможности быть одновременно и вне закона, и в законе.

И при этом тайно уничтожать ненавистных революционеров, противников великой империи!

Коба, наконец, приобретает Я-концепцию, которая согласовывалась и с его потребностью идеализировать себя, и с его желанной социальной ролью разрушителя.

Он имел теперь внутренний компас, по которому он будет пробовать регулировать остальную часть своих дней. Коба нашел, что искал: неограниченную возможность мести, серийных убийств и воплощения диких садистических фантазий в холодящую кровь действительность.

Ни одно исчадие ада не удалось так, как это. По его жилам текла кровь людоеда. Все, на

кого падала его тень, погибали.

Молодой умерла оставленная им без материальной поддержки его первая жена Екатерина Сванидзе. Их сын Яков погиб в германском плену сразу после того, как Сталин от него публично отрекся. Брата первой жены, его жену и сестру Сталин уничтожил в 1937-42 гг., их сына отправил на каторгу в 1948 г.

Сталиным была доведена до самоубийства его вторая жена Надежда Аллилуева. По другим данным, он сам застрелил ее. Всех ее родных он ликвидировал или отправил в тюрьмы без суда.

То, что он сооружал, строилось на костях и крови, на страданиях и невероятных лишениях множества людей. Оно несло на себе печать угрозы для жизни, ужаса и смерти.

Этническая идентификация

Еще в Гори, увлекаясь историей, Сосо познакомился с компендиумами по истории Грузии.

Какими же грузинские цари всегда были жалкими, презренными, потому что слабыми!

И что может себе позволить Грузия без России? Нет, он, Коба, не может быть со слабейшими. Он должен заработать такой огромный авторитет у русских, чтобы стать для них совершенно своим человеком.

И литература грузинская изнеженная. Грузинскую литературу создавали представители высшей аристократии — князья.

Князь Бараташвили, грузинский "Байрон". Орбелиани, князья, оба, Григорий и Вахтанг. Князь Илья Чавчавадзе. Князь Акакий Церетели. Даже переводчицей грузинских поэтов на русский язык была княгиня Софья Васильевна Амираджиби.

Но князей надо вырезать всех до единого. Люди из народа создадут лучшую литературу — простые люди гениальны и податливы. Они будут писать так, как надо, более того, они сами захотят писать как надо.

Русский Коба Джугашвили

Семинария была микрокосмом повстанческих движений Грузии. Они были направлены против царизма, русификации, горького гнета России.

Именно антирусские настроения семинаристов не были восприняты Сталиным. Всякий намек на недовольство присоединением Грузии к России впоследствии он будет выкорчевывать. Грузинский национализм стал постепенно одним из главнейших врагов Сталина.

Более того, Сталин станет самым страшным палачом Грузии за всю историю ее существования. Историю, в которой было и монгольское иго, и турецкое, и иранское.

Сталин не хотел быть грузином, осетином, кем бы то ни было; он пожелал быть русским. Грузию он в высшей степени презирал и всячески демонстрировал свою ненависть.

Сталин идентифицировал себя с русскими императорами и завоевателями. Он усиливал свое самоотождествление в традициях русской ментальности как героической уцелевшей жертвы царизма. Он был представителем угнетенных национальных меньшинств и одновременно победителем и культурным гегемоном.

Бывший угнетенный сделался угнетателем. Вместе с тем он остается преследуемым, обиженным, униженным и оскорбленным.

Психология уцелевшей жертвы жестоких преследований, превратившейся в завоевателя и вселенского правителя, всегда является плодотворной почвой для параноидальной политики и культурной трагедии.

На бытовом же уровне он предпочитал сохранить как свое грузинское этническое, так и низкое социальное происхождение. Это находило выражение в грубых застольях, в вульгарном словоупотреблении и непристойном поведении.

По Сталину, этнос вообще есть функция от экономики. "Взять хотя бы грузин, — писал Коба в 1912 г. — Грузины дореформенных времен... не составляли, строго говоря, одной нации... Грузия как нация появилась лишь во второй половине XIX века".

Иными словами, грузинский этнос сложился только внутри России, благодаря развитию

капитализма.

В 1921 г. Сталин способствует изгнанию из страны лучших политических деятелей Грузии. Высланы за границу Исидор Рамишвили, депутат 1-й Государственной думы, затем член Исполкома Петроградского совета, наконец, с 1918 г. министр правительства Грузии.

Остракизму подвергается европейски образованный Ной Жордания, один из руководителей "Месаме-даси". Он — бывший спонсор Кобы, член ЦК РСДРП в 1907—1912 гг., депутат 1-й Государственной думы от Грузии, председатель правительства Грузии. Ту же судьбу разделил Акакий Чхенкели, социал-демократ с 1898 г.

В 1937 г. он велит казнить смертью всех ярких и талантливых грузин, которые не торопились его восславлять. Были уничтожены великие люди. Среди них: писатель-сатирик М.С. Джавахишвили (Адамашвили); основоположник грузинской режиссуры А.В. Ахметели; поэт П.Д. Яшвили; гениальный поэт-новатор Т.Ю. Табидзе; дирижер и педагог Е.С. Микеладзе и множество других.

Быть лучшим из всех, включая умерших. А их так много! Сталин объяснял: "Чрезмерное восхваление умерших товарищей вошло в обычай в наших партийных кругах. Замалчивание слабых сторон и преувеличение положительных — характерная особенность нынешних некрологов. Это, конечно, неразумный обычай. Мы не хотим следовать этому обычаю".

Сталин не любил родину. Он был беспринципным карьеристом, оппортунистом. Уже на этой первой, самой низшей ступени его карьеры обнаруживается характерная черта его существа — он никому не верен. Он не дает обета отчизне. Он всю жизнь предает всех.

Ближе к концу его жизни этническая идентификация Сталина отдрейфовала... к Сталину. Лучший этнос — племя сталинистов. Других этносов со временем вообще не должно остаться на Земле.

Теократизация тирании

Коба вынес из духовной школы и семинарии знания и идеи, которые претворились со временем в действительность — отчасти или целиком. Они сыграли важную политическую и технически организационную роль в системе его будущей власти.

Государство как церковь

Сталин далеко не сразу включил Церковь в политическую систему общества, но зато саму систему социальных институтов государства, осуществляющих политические функции, он изначально строил по образцу церкви.

Место литургических обрядов заняли партийные собрания, конференции и съезды. Светская литургия была истинным богослужением (Сталину, массе и мировой революции) как в значении отдельного законченного обрядового действия, так и в значении всей совокупности культовых действий.

Любое собрание начиналось и заканчивалось культовыми действиями, связанными с именем Сталина. И священнослужители его режима, и верующие в него давали оптическое, музыкальное, словесное, мимическое и жестовое выражение поклонения товарищу Сталину.

Как и в Церкви, различалось богослужение оглашенных и богослужение верных. Верными стали действительные члены Партии, оглашенными — кандидаты и прочие готовящиеся к принятию в Партию.

Литургия оглашенных играла важную роль в обучении основам веры. Но и богослужение верных обладало также важной назидательной функцией. Через него постоянно возвещались труды великого Сталина и осуществлялось наставление в его истинах.

Из основных таинств церкви в практике сталинской литургии бережно было сохранены "крещение" (принятие в кандидаты Партии) и "покаяние" (самокритика). Одновременно покаяние было одним из средств борьбы с инакомыслием.

Покаяние, вслед за которым следовало обличение, стало ритуалом в сталинском политическом процессе. Требовалось также отречение от осужденных родных и друзей.

Широко применялась практика канонизации — причисления того или иного лица к числу "святых", т.е. разрешенных Сталиным считаться *правильными* большевиками.

Канонизировались также правильные (праведные) ученые, писатели, историографы и т.д.

Но и традиционная Церковь — великая сила. Сталин, восстановив в правах Патриархию, получил взамен провозглашение себя Богоизбранным Вождем.

Русская православная церковь молится за него и всех прихожан вдохновляет на благодарственные молитвы сначала за него. Может, потом — кто знает? — ему. Сталин держал Лавру на кремлевском снабжении.

Кэкс напрасно сожалела, что ее сын так и не стал священником. Еще при ее жизни он был первосвященником. Но и этого ему будет мало.

Хотя бы по одному показателю — славословию — Сталин действительно превзошел Бога. "Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь!" — пели только в строго ограниченных числом церквях. А "Слава тебе, показавшему нам свет, товарищ Сталин", — пела вся страна ежедневно.

Партия как орден

Набросок Сталина "О политической стратегии и тактике русских коммунистов" (1921) содержит, в частности, эту идею.

Сталин пишет: "Компартия — своего рода орден меченосцев внутри государства Советского. Она направляет органы последнего и одухотворяет их деятельность".

Тот факт, что эта заметка была опубликована только в 1952 г., показывает, что мысль о партии как религиозном ордене никогда не покидала Сталина.

Новый орден меченосцев завоюет весь мир, а Сталин навсегда останется отцом этой церкви, создавшим ее догматику и организацию.

В культе Сталина будет сакральная, собственно религиозная сторона.

Он на самом деле стал великим магистром ордена новых меченосцев, творящих любой произвол на поработанной ими земле, вызывая суеверный восторг толпы.

Иерархи и паства

В семинарии Коба хорошо усвоил принципы церковной иерархии — священной власти. Характеризуя организацию церкви, иерархия располагает элементы ее целостной структуры в порядке от высшего к низшему.

Институт церкви издревле располагал самым устойчивым в истории бюрократическим аппаратом. Особенно стройно разработан был управленческий аспект в монашеских уставах и в орденах Иисуса.

После 1917 г., работая над созданием аппарата Партии, аппарата слежки, сыска и подавления, товарищ Сталин всегда имел перед глазами готовые, веками отточенные организационные образцы идейного контроля, которые он вынес из семинарии.

Сталин адаптировал эти действенные организационные формы к условиям России, фактически возродив как раз те учреждения церкви, расцвет которых приходится на самые мрачные времена Средневековья.

Подражая иезуитам, Сталин лично возглавлял и постоянно организовывал кампании по осуждению общественно-политических идей, движений в искусстве, научных принципов, противоречащих его учению и подрывающих его авторитет. В точности так же, как это делала церковь на протяжении столетий.

Рестаурации подвергся и "Индекс запрещенных книг" — негласный, но официальный перечень изданий, чтение которых запрещалось верующим в Сталина под угрозой каторги и смерти.

Проповеди

Коба добросовестно изучал все предметы религиозного цикла. Преуспел он и в гомилетике (искусстве церковного красноречия), и стиль катехизиса навсегда остался отличительной чертой его письменной и устной речи.

Все статьи и речи Сталина были "проповедями" и по содержанию, и по стилю. Они содержали категорические требования идеологического и политического характера.

Одновременно они служили активному распространению нужных и разрешенных идей и взглядов.

Идейное воспитание масс

Да, похоже, иезуиты правы: воспитание всесильно. Особенно воспитание необходимо для подготовки пушечного мяса, убийц и самоубийц. Из человеческого материала можно сделать решительно все, что тебе нужно, если формировать его с малолетства!

Коба убедился в этом, как и в эффективности повальной слежки, о системе которой он рассказывал в 1931 г. писателю Эмилю Людвигу, во время учебы в семинарии. Сталин говорил: "характер дисциплины бесил меня. Место это было очагом слежки и доноительства. В девять утра мы собирались пить чай, и, когда возвращались в свои спальни, все ящики были перевернуты".

Но образование, постепенно внедренное в страну Сталиным, было на самом деле калькой духовных училищ и во многих отношениях реставрировало иезуитское воспитание.

Место Закона Божьего заняли предметы преподавания, внедрившие в сознание детей основные принципы и идеи вероучения Сталина и соответствующие нормы поведения, знание коих и следование которым обязательно для всех.

Дисциплина и хорошая отметка по дисциплине были в советской школе превыше всего. В точности, как в духовной семинарии.

При этом он повторял: "Безусловно, ребенок не может развивать свои способности при режиме замкнутости и узкой регламентации, без необходимой свободы и поощрения инициативы".

Еще в ранней молодости Коба решил, что официальные истины общества — сплошная ложь, а истины, проповедуемые церковью, — двойная ложь. Но ложь торжествующая.

Сталин вооружился теорией и практикой Большой Лжи как мощного инструмента обмана всех, во всем и всеми способами.

"Лжи поверят, правде — нет", — написал он однажды.

Обман нужен был и для идеологического обоснования убийства. Колоссальная индустрия уничтожения людей в стране и за рубежом обслуживалась часто весьма квалифицированными специалистами. Они делали грязную и смрадную работу. Чтобы успокоить их совесть, надо было оправдать массовый террор.

Поэтому генсек время от времени лично возвышал голос.

"Смерть одного человека — трагедия, смерть миллионов — статистика".

"У партии незаменимых людей нет".

"Наша партия есть живой организм. Как и во всяком организме, в ней происходит обмен веществ: старое, отживающее — гибнет, новое, растущее — живет и развивается. Отходят одни — и вверху, и внизу. Растут новые — и вверху, и внизу, ведя дело вперед".

"Всегда у нас что-либо отмирает в жизни. Но то, что отмирает, не хочет умирать просто, а борется за свое существование, отстаивает свое отжившее дело".

"Может быть, так и нужно, чтобы старые товарищи так легко и просто опускались в могилу".

Писатели входили в систему воспитания и просвещения масс. Товарищ Сталин собрал писателей в "Союз", и лично распределял с его помощью между послушными и полезными авторами деньги и премии, государственные дачи, пайки. Одновременно писательский "Союз" помогал ему следить за настроением умов и уничтожать неугодных и неуживчивых мастеров.

Многие из взглядов, фобий, навязчивых идей и отношений Сталина получили законченную форму примерно к двадцати годам.

Он достаточно хорошо созрел, чтобы тщательно скрывать от всех окружающих свои истинные чувства, намерения, желания. Он стал мастером притворяться.

Сталин производил полностью обманывающее впечатление холодного и неэмоционального существа, крайне равнодушного, не получающего удовольствия от жизни.

В действительности все обстояло иначе. Он безумно страдал. Для облегчения невыносимых мучений он получал тайные наслаждения недостижимой силы.

Жизненные установки и позиции

Невроз самолюбования Иосифа Джугашвили предшествовал, а потом и препятствовал любви к другим. Чрезмерная степень самовлюбленности делала любовь к другим невозможной.

Этот невроз был вызван длительным и жгуче-мучительным травмированием существенной части "Я". Подобный удар по чувству самоидентичности порождал гнев и ощущение позора, оскорбленности.

Жизнь Кобы была мукой из-за того, что он постоянно искал выход.

Особенность этого страдания заключается в почти полной сохранности интеллекта. Ригидные идеи появляются и укрепляются в сознании также без резких изменений настроения.

Жизненная позиция Кобы отличалась ярко выраженной экстравагантностью и строгой дихотомией: жестким "или—или". Либо сила, победа и избавление, либо поражение и ужас. При этом энергия Кобы была совершенно необычайной. Она питалась его одержимостью, фанатизмом. Ему было свойственно навязчивое и энергичное отстаивание набора своих идей.

Результат этого расщепления был совершенно катастрофический, ибо осуществление идеалов, по сути, не оставляло места для другой стороны альтернативы.

Раз появившись, идеи выхода, спасения мученика с помощью агрессии прочно удерживаются, и их не удастся устранить никакими убеждениями. Вместе с тем они развиваются отчасти путем логической разработки, отчасти благодаря постепенному возникновению новых вычурных идей.

Эта стадия развития тянулась многие годы, с поразительной ясностью сознания и сохранением памяти и умственных способностей.

Временно подобные идеи переставали занимать нашего страдальца, но светлые промежутки длились недолго и всегда нарушались возвратом тех же идей. При этом полностью отсутствовали галлюцинации. Вне круга сверхценных идей Сталин был способен здраво судить о многих предметах практической жизни.

Возникало суровое напряжение по преодолению сопротивления мира попыткам отлить его в точную форму принципиально не изменяемых идей. Следование им означало непрерывную борьбу с миром.

Расщепление опыта на жесткое "или—или" требовало непрерывного прикрытия. Это — сизифоподобное усилие скрыть невыносимую тревогу по поводу исполнимости идей и одновременно их разоблачения.

Отречение от любви как от важного модуса бытия также необходимо было скрывать. Но даже Коба не был способен постоянно контролировать этот вечно скрытый страх беды. Отсюда — редкие, но устрашающие приступы ярости.

Так, однажды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации, заместитель наркома обороны СССР П.В. Рычагов, которому в этот момент было не более тридцати лет, за несколько дней до войны, в июне 1941 г., сказал на Военном совете товарищу Сталину: "Аварийность и будет большая, потому что вы заставляете нас летать на гробах".

Сталин остановился (до этого он прохаживался по залу) и молчал. На него трудно было смотреть. Он закрыл заседание и ушел. Через неделю Рычагова арестовали, и он исчез навсегда.

Прикрытие ярости требовало не только самообладания, но и языковой игры, придающей словам совершенно несвойственный им смысл. Какой бы шаткой эта опора ни казалась постороннему, она перекидывала мост между тревогой Сталина перед лицом жуткого и внушающего ужас конца и его капитуляцией перед тайным заговором "врагов".

Языковое прикрытие Сталину предоставляла псевдомарксистская терминология. В ней почти все слова приобретали не свойственный им смысл, противоположный или чуждый их исконной семантике.

Существование Кобы целиком зависело от сохранения этой позиции, от следования его

идеалам до конца. Оно навсегда превратилось в подавление "преследователей" и отражение "преследований". Не могло быть пути назад из экстравагантности его мировоззрения.

Это были альтернативы жизни и смерти, идеала и реальности, природы и своеволия. Для Кобы своеволие жило исключительно как его всепобеждающая воля.

Преследование всех и всегда

У Сосо хроническая тревога, вызванная страхом нападения со стороны враждебных других, наблюдается уже в 9—15 лет.

Ненависть к людям выступала одновременно как страх перед ними. Коба боялся людей, и его агрессивность была способом перебороть страх. Отсюда — его маниакальная подозрительность.

Глубокое недоверие и подозрение к окружающим корреспондировало с мстительными мотивами деятельности. Отсюда — неоткровенность и нередко нетерпимость.

Над ним обидно смеялись и смеются, так надобно навсегда отучить смеяться — смертью, землей, дикой боязнью неотвратимой и неожиданной полной гибели. Против смеха есть только одно надежное оружие — абсолютный ужас.

Вследствие превентивной агрессивности ослабевает страх смерти, а надежда, что избежешь ее, усиливается.

Болезненная боязнь людей иногда бурно прорывалась у Кобы наружу. Адмирал Флота Советского Союза И.С. Исаков вскоре после убийства С.М. Кирова (1934 г.) участвовал в заседании комиссии по военному строительству с участием товарища Сталина. После заседания перешли в зал, где были накрыты столы. К этому залу от кабинета, где заседали, вели довольно длинные переходы с несколькими поворотами. На всех этих переходах, на каждом повороте стояли на часах дежурные офицеры НКВД.

Исаков: "Помню, еще не садясь за стол, Сталин вдруг сказал: "Заметили, сколько их там стоит? Идешь каждый раз по коридору и думаешь: кто из них? Если вот этот, то будет стрелять в спину, а если завернешь за угол, то следующий будет стрелять в лицо. Вот так идешь мимо них по коридору и думаешь..." Я, как и все, слушал это в молчании".

Противостояние непрерывным преследованиям "врагов", их преодоление покупалось ценой полной зависимости от их коварных замыслов. За ним шпионят и его предают. Поэтому неизбывной стала необходимость угадывать или истолковывать поведение и слова окружающих.

Генеральный секретарь товарищ Сталин даже в К.Е. Ворошилове однажды увидел английского агента.

Коба Джугашвили отличался исключительной хитростью, изобретательным притворством. Для удовлетворения своей подозрительности, для уменьшения страха заговоров и покушений он проявлял чудеса стратегического искусства. Он усыплял бдительность жертв, выказывая неискреннюю привязанность к ним. Обвинял в уничтожении этих жертв других людей и, в свою очередь, уничтожал этих обвиненных.

Садизм

Сталин наслаждался наблюдениями над обреченными им людьми. Они так забавно верили в свою безопасность. Особенно радостно им было, что Сталин лично обласкивал их.

Осужденный Сталиным уходил от него мирно, его брали ночью и расстреливали к утру.

В тот самый день, когда был арестован Н.А. Вознесенский, председатель Госплана, Сталин пригласил его на свою дачу и предложил тост за его здоровье.

Жестокость Кобы питалась его восторгом и радостью от сознания, что очередная жертва надеется "заработать" спасение.

Сталин также посылал на каторгу членов семей своих соратников и следил за их отчаянием. Ведь им приходилось скрывать от него свое горе почти в каждодневном общении с ним и от всех окружающих, которые, как им было известно, шпионили за ними.

Так, он арестовал жену М.И. Калинина, брата Л.М. Кагановича, жену В.М. Молотова, обоих сыновей А.И. Микояна... Беседуя однажды с О.В. Куусиненом, Сталин спросил его, почему тот не хлопочет об освобождении сына. "Очевидно, были серьезные причины для его

ареста", — отвечал Куусинен. Сталин усмехнулся и дал указание об освобождении сына Куусинена.

Одной из излюбленных жертв Сталина был его личный секретарь А.Н. Поскребышев, которого после долгих лет преданной Сталину службы он в конце концов велел убить.

Но прежде Поскребышев сам был вынужден представить на подпись Сталину ордер на арест своей жены. При этом он попытался встать на ее защиту. "Так как органы НКВД считают необходимым арест Вашей жены, — сказал Сталин, — так и должно быть".

И он подписал ордер.

Увидев выражение лица Поскребышева, Сталин засмеялся: "В чем дело? Тебе нужна баба? Мы тебе найдем". И вскоре в квартире у Поскребышева появилась молодая женщина и сказала, что ей было предписано вести его хозяйство (сообщение Р. Медведева).

Он причинял другим людям невыносимые страдания и наблюдал, как они страдают.

Сталин приказал применять пытки и постоянно уточнял, какой вид пыток в каких случаях надо было использовать. Все его прихоти с радостью исполнялись.

Особое наслаждение доставляли Генсеку очные ставки, и он не раз баловал себя этими процедурами.

Стопроцентное бессердечие и бесчеловечность Кобы — это не просто честолюбие или деспотичность, это еще и наслаждение от уничтожения вреднейших насекомых, именуемых людьми. Это отвращение к человеку как таковому.

Это управление людьми через презрение к ним. Упоение своей безжалостностью, неумолимостью и иезуитством. Это тайные лавры для себя — награда за свое коварство, глубочайшее удовлетворение от разрушения жизней. Коба не мог не гордиться неизменным отсутствием жалости и/или раскаяния.

Систематическое убийство для него было жизненно необходимо и являлось способом существования.

В моменты разрушения жизни он получал то, ради чего много и напряженно трудился, — энергетическую подпитку, разрядку и ощущение силы. Только уничтожив доступную ему часть жизни на земле, он совершенно удовлетворен: "кто был ничем, тот стал всем".

Сталин мстил своим жертвам за то, что, будучи, как он уверен, бесконечно выше их во всех отношениях, он — в отличие от жертв — на пиру жизни был лишен радости, которой больше всех заслуживал.

Ему нужны были растерянность и страх на лице жертвы. Поэтому он нападал совершенно неожиданно.

Он шел на новые и новые убийства ради великих для него мгновений: знать, что счастливый и благополучный человек *корчится* и агонизирует у его ног. Очень часто — с его именем на устах.

Для Сталина разрушение трепещущей живой материи было необходимо как средство избавления от депрессии. После убийства на некоторое время ему всегда становилось легче. Удовольствие усиливалось, если жертва сопротивлялась, боролась.

Он не нападал на людей, превосходящих его силой, и он не сомневался в своей всепобеждающей хитрости.

Все наблюдаемые формы садизма Сталина можно свести к одному основному стремлению: полностью превратить других людей в беспомощный объект своей воли, стать их абсолютным повелителем, их богом, делать с ними все, что угодно.

Средства для этой цели — унижение и порабощение. Но самый радикальный способ проявить свою власть состоит в том, чтобы причинять страдание. Ибо нет большей власти над другим человеком, чем власть обрекать на боль и гибель того, кто не в состоянии себя защитить.

Это не просто жажда власти. Это — наиболее существенное проявление садизма.

Садизм Сталина имел несравнимую систему поддержки, громадную политическую машину, состоявшую из послушных чиновников, многие из которых сами были садистами.

Ввиду того, что Сталин был очень умен и обстоятельства были благоприятными, он смог

реализовать фантазии подчинения, унижения, причинения боли и убийства в отношении большего числа людей, чем любой другой садист во всей истории человечества.

Иосиф Джугашвили всегда ставил других людей в зависимость от себя и приобретал полную и неограниченную власть над ними, "лепил, как глину".

Одновременно он и эксплуатировал их, использовал и обкрадывал. Это относится не только к материальному достоянию, но и к моральным или интеллектуальным качествам, которыми обладал другой человек.

Садистские стремления помогли Сталину избавиться от невыносимого чувства одиночества. Сталин оказывался безусловно одиноким и стоящим перед лицом абсолютно враждебного мира.

В деятельности Сталина стимулы, по существу, негативны: он действовал, чтобы избавиться от нестерпимых мучений.

Эти ощущения были замаскированы компенсирующими чувствами превосходства и совершенства. Он боролся с пустотой, в которой протекала его жизнь, завоеванием безграничного восхищения собой.

Убийствами Сталину надежнее всего было убедить себя в том, что он — истинно сильный. Преступая Божеский и человеческий закон, он возвышался в своих глазах над остальным — жалким, слабым, презренным — человечеством.

Но, добившись ценой неслыханных преступлений власти, которая "узаконивала" его убийства, Сталин тщеславно и радостно выставлял напоказ свою жестокость. Он как бы похвалялся ею, глумясь над подданными, которые, кто вынужденно, а кто искренно, аплодировали его искусству разрушать жизнь.

Самоуверенность и комплекс неполноценности

С детства и до конца своих дней Сталин был одержим манией превосходства над другими и комплексом неполноценности.

Уже в ранней молодости Сталин испытывал острый дефицит чувства юмора. На шутки отвечал всегда руганью и угрозами. Все более очевидной становилась его обидчивость. Серго Орджоникидзе вспоминал, что их общие друзья из Тифлисской семинарии удивлялись этому качеству Джугашвили, поразительно нетипичному для грузина. "Коба просто не понимает шуток, — говорили они с грустью. — Станный грузин — отвечает кулаками на самое невинное замечание".

Сталин был и оставался для себя ущербным. И его постоянно гложет мучительная зависть к достоинствам других людей.

Он-то знал, что выше всех людей на земле коварством, вероломством, жестокой радостью уничтожения. Свой перевес над всеми он видел в абсолютном презрении к личности, к жизни. Он действительно превзошел всех безжалостностью, предательством, цинизмом, беззастенчивой ложью, провокаторством и демагогией.

Сталиным руководили желание всех обмануть и убежденность в стопроцентной успешности своего надувательства. Он презирал людей и был твердо уверен в том, что он всех хитрее.

Проецируя эти тайные мысли на других, Сталин обвинял, в частности, Н.И. Бухарина в том, что тот якобы стремился удивить весь мир своим вероломством.

Но прочие — все, и потомки тоже, должны были видеть его величие совсем в другом — в том, чего у него не было, а именно — в науках, искусствах, в области духа.

"Стихи юного Сталина"

Находка

В статье "Стихи юного Сталина" (газета "Заря Востока", 1939, 21 декабря, когда Советская страна отмечала 60-летний юбилей великого вождя) некто Н. Николаишвили сообщил, что Сталин написал шесть стихотворений. Пять из них были опубликованы в 1895, а шестое — в 1896 г.

Первые пять стихотворений появились с июня по декабрь 1895 г. в ежедневной

тифлисской газете "Иберия", которую редактировал знаменитый грузинский поэт князь Илья Чавчавадзе. Сталин участвовал в убийстве этого князя и поэта несколькими годами позже.

Шестое было опубликовано в июле 1896 г. в социал-демократической газете "Квали" ("Борозда").

Николаишвили сообщает, что только два стихотворения из "Иберии" имели название. Одно — "Луне", другое, посвященное известному грузинскому поэту князю Рафаилу Эристави, так и называлось — "Р. Эристави".

Стих, появившийся в "Квали", назывался "Старец Нининка".

Первые пять стихотворений были подписаны "И. Дж-швили", а шестое — "Сосело" (уменьшительно-ласкательный вариант имени Сосо).

Николаишвили заявил, что эти стихи "написаны с огромным литературным вкусом, на языке народа" и что поэзия молодого автора привлекла к себе внимание. Так, в 1901 г. "идуший навстречу общественности М. Келенджеридзе, составляя труд о грузинском языке, поместил в него стихи за подписью Сосело среди лучших образцов классической грузинской литературы".

Далее он сообщал, что в 1907 г. тот же М. Келенджеридзе составил и издал "Грузинскую антологию, или Собрание лучших образцов грузинской литературы" (том I), где на 43-й странице поместил стихотворение Иосифа Сталина, посвященное Р. Эристави.

В книге "Рассказы о великом Сталине", появившейся в Тбилиси в 1941 г., М. Келенджеридзе подтверждал, что он действительно составлял антологию и учебник в Кутаиси, куда вставил среди лучших произведений классических грузинских авторов и стихи Сталина. Этими авторами были Шота Руставели, Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Григол Орбелиани, Николоз Бараташвили, Рафаил Эристави, Александр Казбеги и Сталин.

Келенджеридзе объяснил, что в то время, когда он включал в свои труды два стихотворения Сталина, он не имел ни малейшего представления, кто их написал.

"Я должен признать, — продолжал он, — что только в последние годы я обнаружил автора этих удивительных строк — великого Сталина". Келенджеридзе писал, что он сожалеет о том, что все экземпляры его книги были распроданы в течение считанных дней после их публикации и что у него не осталось ни одного экземпляра!

В 1895—1896 гг. Иосиф Джугашвили учился в семинарии. Ни один источник, дружественный или враждебный, не делает ни малейшего намека на то, что Коба когда-либо писал стихи. Или что он увлекался поэзией именно в это время, или что он был замечен в стихотворстве до 1895 или после 1896 года. Единственный близкий друг Сталина Иосиф Иремашвили, который был с ним рядом и в Гори, и в Тифлисе, учился с ним вместе и написал о нем большую книгу в 1933 г., ни разу не упомянул о том, что Сосо писал стихи.

Сталин не включил этих или каких-либо иных стихов в собрание своих сочинений. Сталин никогда не претендовал на авторство, но и не отрицал его. Он вообще как бы не заметил этой истории со стихотворениями.

Стихи

В шести стихотворениях, приписываемых Сталину, фигурируют розы, фиалки, лилии, ландыши, жаворонки, соловьи и луна. Автор отдает должное "ученым мужам Грузии", надеясь, что они "принесут радость и счастье" его "обожаемой Грузии".

Поэт обращается к Луне: "Я порву на себе рубашку, И обнажу грудь луне, И с протянутыми руками Буду поклоняться той, которая льет свой свет на край родимый". В стихотворении, посвященном Луне, выражается твердая уверенность в возрождении униженной и "повергнутой в прах" Грузии.

В произведении, посвященном "Поэту князю Рафаэлу Давидовичу Эристави, певцу крестьянского труда", содержатся возвышенные религиозные мотивы типа: "...О поэт, что тебе земная слава? Грузины уготовили тебе памятник в небесах!".

Певца Отчизны труд упорный

Еще вознаградит народ.

Князю Эристави был в это время 71 год. Хотя князь должен был быть польщен стихами в

свою честь, он ни разу не упомянул об этом ни письменно, ни устно. И Коба, и Эристави в то время проживали в Тифлисе, но они никогда так и не повстречались.

До 1939 г. ни советские, ни зарубежные биографии не содержат ни одного намека на приверженность юного Сталина к поэзии. Эти потоки красивых слов нашли своего предполагаемого автора через сорок лет после их публикации.

Ни ранее 1896 г., ни позднее Сталин не писал ничего, что хотя бы отдаленно напоминало об этих стихах, ни в прозе, ни в поэтических произведениях. Вообще никому не известно, чтобы Сталин создал хотя бы одну стихотворную строчку за оставшиеся 60 лет своей жизни.

Утверждение Келенджеридзе о том, что он поместил стихи никому не известного поэта в антологию титанов грузинской литературы, не пожелав узнать, кто он, даже не попытавшись раскрыть псевдонимов, вызывает некоторые сомнения.

Мы не можем быть уверены, что оба псевдонима имеют отношение к одному и тому же автору. Если автор был один, то можно было ожидать, что, опубликовав пять произведений, он подпишется под шестым тем же именем.

Нельзя также забывать, что в указанные годы в Тифлисе были многие "Сосело", даже многие "Дж-швили" и что они находились в том же возрасте и имели образование, могли писать стихи. Например, два студента Тифлисской духовной семинарии имели фамилии Джаошвили и Джинчвелашвили.

Некий Деметриашвили, тоже семинарист в Тифлисе, стал позже агентом охраны и посещал ленинскую партшколу близ Парижа.

Автор

В 1876 г. в Тифлисе родился Иван Александрович Джавахишвили. Он учился в Санкт-Петербургском университете, закончил его в 1899 г. Специализировался в армяно-грузинской филологии. Он был одним из организаторов университета в Тифлисе, археологом, историком, знатоком грузинской культуры и палеографии.

В 1895 и 1896 гг. Ивану Джавахишвили было около 20 лет.

Инициал "И." и сокращение "Дж-швили" его фамилии идентичны подписи под первыми пятью стихотворениями.

Если автором этих стихов был Иван Александрович Джавахишвили, то понятно, почему он об этом не заявил, когда началась история с атрибуцией сталинской поэзии. За два года до своей смерти (он умер в 1940 г.) И. Джавахишвили написал "Поэму о Сталине", которую опубликовал в Ленинграде в 1938 г. Если вспомнить, что в 1939 г. грузинам было так же нелегко выжить, как и в 1937-м, то авторство Сталина становится весьма проблематичным.

Если же эти стихи создал Сталин, то придется признать, что в возрасте 17-18 лет его мировоззрение и характер были прямо противоположными его же мировоззрению и характеру, которые он имел и до 1895, и после 1896 г.

Но огромная масса документов свидетельствует о том, что жизнь Сосо, Кобы, Иосифа Джугашвили-Сталина была лишена поэтической чувствительности.

Войны с науками

Товарищ Сталин превзошел все науки, и потому сам решал, чем и как наукам следует заниматься. Если ссылки на данные науки использовались против навязчивых идей генсека или же могли бы, как ему думалось, помешать достижению его целей, он или полностью выкорчевывал эти науки вместе с ее активными пропонентами, или же приказывал им, к каким выводам они должны приходиться.

История, философия, психология, психиатрия и педагогика (как и все остальные гуманитарные области знания) обязаны были полностью отказаться от поиска истины. Их задача — быть служанками политики. Их "методы" и "результаты" предписывались свыше.

В речи на первом Всесоюзном съезде стахановцев (1935 г.) товарищ Сталин разъяснял:

"Толкуют о науке. Говорят, что данные науки, данные технических справочников и инструкций противоречат требованиям стахановцев о новых, более высоких, технических нормах. Но о какой науке идет здесь речь? Данные науки всегда проверялись практикой, опытом. Наука, порвавшая связи с практикой, — какая же это наука? Если бы наука была

такой, какой ее изображают некоторые наши консервативные товарищи, то она давно погибла бы для человечества.

Наука потому и называется наукой, что она не признает фетишей, не боится поднять руку на отживающее, старое и чутко прислушивается к голосу опыта, практики. Если бы дело обстояло иначе, у нас не было бы вообще науки, не было бы, скажем, астрономии, и мы все еще пробавлялись бы обветшалой системой Птолемея, у нас не было бы биологии, и мы все еще утешались бы легендой о сотворении человека, у нас не было бы химии, и мы все еще пробавлялись бы прорицаниями алхимиков.

Вот почему я думаю, что наши инженерно-технические и хозяйственные работники, успевшие уже порядочно поотстать от стахановского движения, сделали бы хорошо, если бы они перестали цепляться за старые технические нормы и перестроились по-настоящему, по-научному, на новый, стахановский лад".

Иными словами, сталинская наука не дает обета верности объективным открытиям. Она поднимает на них руку и чутко прислушивается к задачам, которые перед ними ставит "практика", порождаемая политикой Сталина. "По-научному" значит — *как велено*.

Генетика и педология особенно тревожили генсека. А вдруг поймут, как отягощена наследственность товарища Сталина, примутся исследовать среду его детства?

В 1936 г. Сталин окончательно закрыл педологию, науку о детях, которая изучала роль наследственности и среды в развитии детей. Многих ученых, занимавшихся разработкой педологии, уничтожили, нередко вместе с их детьми.

Генетика осмеливалась противодействовать чудеснику Лысенко, который ясно показал Сталину, что скоро завалит страну дешевым и качественным продовольствием, несмотря на раскулачивание и коллективизацию.

Августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г. стала кульминацией разгрома генетики. Соответствующие "органы" заранее обработали некоторых ученых, угрожая потерей свободы и жизни близких. Немало генетиков было арестованы. Почти на двадцать лет слово "генетика" сделалось разносным.

Любое упоминание о наследовании способностей у людей стало приводить к лагерю и/или расстрелу.

В тюрьме был уничтожен великий ученый, гордость и достояние не только России, но и всего человечества, — генетик Николай Иванович Вавилов (его зверски уморили). И многие другие ученые.

В дополнение к августовской сессии, на которой была разгромлена генетика, на мартовской сессии 1949 г. состоялось разрушение цитологии. Официально было объявлено о поддержке безумных идей О.Б. Лепешинской о порождении клетки из неклеточного вещества. В основе этих идей старой большевички и личной знакомой Сталина лежало всего лишь неумение работать с препаратами. Лепешинская обещала Сталину омоложение с помощью содовых ванн.

Вся природа должна была подчиниться воле Сталина. Этой навязчивой идеей генсека пользовались невежественные карьеристы и шарлатаны.

Отставание биологии продолжалось еще долгое время. СССР совершенно обошла стороной "зеленая революция", благодаря которой продовольственная проблема была решена в десятках стран мира.

Существуют воспоминания многих ученых, что подобный показательный разгром готовился и в других естественных науках (гуманитарные были вычищены еще до войны). Кибернетика была запрещена как реакционная лженаука. Она ярко выражала одну из основных черт буржуазного мировоззрения — его бесчеловечность, стремление превратить трудящихся в придаток машины, в орудие производства и орудие войны.

Но в химии не нашлось равных Лысенко кандидатур, а в физике и математике от этого отказались из-за необходимости создания атомной бомбы. С помощью так называемых шарашек — тюремных учреждений, конструкторских бюро, в которых работали заключенные-специалисты, Сталин и Берия организовали работы и исследования, связанные

с созданием атомного оружия.

Фашистской лженаучной теорией была объявлена геополитика. В языкознании, физиологии, политической экономии и других науках генсек лично или через доверенных людей положил конец "аракчеевщине", "диктату старшего и заслуженного поколения ученых", т.е. свободе поиска.

Судьбы Бруно, Галилея, Сервета, иных жертв и мучеников прежней инквизиции разделили при сталинской инквизиции сотни и тысячи светлых и сильных умов. Все они были реабилитированы посмертно.

Разрушение экономики

Сталин не превратил аграрную страну в индустриальную сверхдержаву.

Он превратил ставшую к началу XX в. житницей мира Россию в вечно голодающую страну, а быстро и нормально развивающуюся промышленность — в неестественно перекошенного, однобокого производителя только одного товара: оружия уничтожения.

Под лозунгом коллективизации Сталин возродил крепостное право в России и сельскую общину с ее круговой порукой, отбросив Россию на уровень до 1861 г.

Под лозунгом индустриализации Сталин тотально милитаризовал экономику, оставив Россию без модернизации легкой промышленности и без качественных товаров потребления.

При Сталине нищета масс была тотальной и перманентной.

Безнадежно подорванное сельское хозяйство и милитаризованная индустрия стали естественным результатом политики произвола. Она принесла все плоды, кроме обещанного изобилия и процветания.

О вреде, нанесенном Сталиным и его подручными нашей стране, объективно и точно говорится в одном поразительном документе 30-х гг.:

"...С помощью обмана, с помощью невероятного насилия и террора, опираясь на централизованный мощный партийный аппарат, Сталин установил в ВКП(б) и всей стране свою личную диктатуру и поставил Советский Союз на край пропасти.

Авантюристические темпы индустриализации влекут за собой колоссальное снижение реальной заработной платы рабочих и служащих.

Непосильные открытые и замаскированные налоги, инфляция, рост цен.

Авантюристическая коллективизация с помощью невероятного насилия, террора, раскулачивания, направленного фактически главным образом против середняцких и бедняцких масс деревни. И, наконец, экспроприация деревни путем всякого рода поборов и насильственных заготовок.

Все это привело страну к глубочайшему кризису, чудовищному обнищанию масс и голоду, как в деревне, так и в городах.

Всякая личная заинтересованность к ведению сельского хозяйства убита, труд держится на голом принуждении и репрессиях, насильственно созданные колхозы разваливаются. В перспективе — дальнейшее обнищание, одичание и запустение деревни.

На всю страну надет намордник. Бесправие, произвол и насилие, постоянные угрозы висят над головой каждого рабочего и крестьянина. Всякая революционная законность попорана!

Наука, литература, искусство низведены до уровня низких служанок и подпорок сталинского руководства.

Борьба с оппортунизмом опошлена, превращена в карикатуру, в орудие клеветы и террора против самостоятельно мыслящих членов партии.

Печать стала чудовищной фабрикой лжи, надувательства и терроризирования масс.

Ни один самый смелый гениальный провокатор для гибели пролетарской диктатуры, для дискредитации ленинизма не мог бы придумать ничего лучшего, чем Сталин и его клика.

Режим невиданного террора и колоссального шпионажа, осуществляемых посредством необычайно централизованного и вместе с тем разветвленного гигантского аппарата, сосредоточившего в своих руках все материальные ресурсы страны и поставившего в прямую зависимость от себя физическое существование десятков миллионов людей, — вот главная основа диктатуры Сталина.

Вся система государственного аппарата, включая и партию, терроризируя других и в то же время сама живя под постоянным дамокловым мечом террора, вопреки сознанию каждой отдельной его клеточки, как машина, вынуждена совершать свои движения, получаемые от первоисточника, и выполнять волю главного "механика".

Но зайдя в безвыходный тупик и установив во всей стране в самых разнообразных формах господство террора, Сталин отрезал себе и всякие пути для отступления и эволюционного выхода из кризиса.

Он возвел себя на пьедестал непогрешимого папы и не может признать не только преступности своей политики, но и малейшей своей ошибки. Диктатор не может ошибаться — ошибаются только его подчиненные.

Устранение Сталина и его клики нормальными демократическими методами, гарантированными Уставом партии и Советской Конституцией, таким образом, совершенно исключено. Они всякими предложениями, с оружием в руках, пушками и пулеметами будут защищать от партии и страны свое господство".

Это было написано М.Н. Рютиным, создателем антисталинской организации "Союз марксистов-ленинцев", автором программы "Сталин и кризис пролетарской культуры". Рютинский "Союз" был единственной реальной попыткой организованной борьбы со Сталиным за всю историю его тирании.

Процитированные слова были приняты как документ "Союза" — обращение "Ко всем членам партии".

Сейчас трудно представить, что в обстановке постоянно нарастающего террора нашелся мужественный честный человек, который не только сумел объективно оценить социально-экономическое положение страны, но встать на путь борьбы с антинародным режимом Сталина.

Мартемьян Никитич Рютин (1890—1937) родился в Сибири. По окончании учительской семинарии преподавал в земских начальных школах в деревнях.

Сталин привел на высшие государственные посты людей малограмотных. На их фоне М.Н. Рютин резко выделялся своей образованностью. Он проштудировал сочинения Маркса и Энгельса, экономистов классической и марксистской школ. Рютин атаковал политику Сталина исключительно с марксистских позиций.

В 1929 г. Рютин в качестве уполномоченного ЦК ВКП(б) по вопросам коллективизации был направлен в Сибирь. По возвращении в Москву он написал записку в Политбюро о беззаконии и насилии при проведении коллективизации, с которыми столкнулся в Сибири. Записка вызвала гнев Сталина и ответственного за сельское хозяйство Л.М. Кагановича. Однако именно записка М.Н. Рютина была положена в основу статьи Сталина "Головокружение от успехов".

Терминальная стадия

К началу второй мировой войны у Сталина исчезала критичность как главная характеристика адекватной мысли. Укрепилась абсолютная уверенность в своей непогрешимости. Самое понятие ошибки и даже ее возможности в мышлении товарища Сталина полностью им утерялось.

Так, в результате его самонадеянности, даже самообожествления нашествие на нашу страну Гитлера было резко ускорено, если не навлечено. Наша страна не была надлежащим образом подготовлена к этой агрессии, что имело невероятно тяжелые последствия.

20 августа 1939 г. Гитлер, уже назначив нападение на Польшу на 1 сентября, послал Сталину телеграмму, в которой настаивал на скорейшем заключении договора и просил принять не позднее 23 августа рейхсминистра иностранных дел для подписания как пакта о ненападении, так и дополнительного протокола. По договору, послушно подписанному 23 августа 1939 г., СССР обязывался не помогать возможным жертвам агрессии германского рейха. В секретном протоколе Сталин и Гитлер определили первые шаги по разделу мира "на двоих".

Договор был ратифицирован Верховным Советом через неделю после его подписания,

причем от депутатов было скрыто наличие секретного дополнительного протокола.

На другой день после ратификации договора 1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу. 17 сентября 1939 г. СССР в соответствии с договоренностями пересек польскую границу и занял большие территории.

Сталин вместе с Гитлером начал Вторую мировую войну.

Польша перестала существовать как государство. Результаты ее разгрома были закреплены в новом пакте "о дружбе и границе", подписанном от имени Сталина В.М. Молотовым и от имени Гитлера И. Риббентропом 28 сентября 1939 г.

У Германии и СССР появилась общая граница, и вопрос о нападении одного из партнеров по разделу мира на другого стал вопросом времени.

Товарищ Сталин медлил, господин Гитлер быстро завоевывал Балканы и Запад. Все это время, год за годом Иосиф Виссарионович делал колоссальные поставки Гитлеру по новому экономическому соглашению между СССР и Германией. Поток поставок набирал скорость, хотя Гитлер совсем не спешил с выполнением своих договорных обязательств.

Обескровленная и голодная Россия кормила гитлеровцев, которые, как верил Коба, завоевывают мир и для него тоже. Потом он с милым, приятным человеком Гитлером обо всем так же хорошо, как и до сих пор, договорится. Они так славно понимают друг друга.

Гитлер опередил Сталина 22 июня 1941 г.

Мировоззрение Сталина

Мировоззрение и жизненная позиция двадцатилетнего Иосифа Джугашвили практически полностью сформировались. Установились главные черты исторического Сталина, хорошо нам известные.

В их фундаменте лежит властолюбие. Власть — это все. Миллионы людей находятся под впечатлением побед, одержанных властью, и считают власть признаком силы. Для них и для Сталина власть — это господство.

"Для того, чтобы переделать мир, надо иметь власть", — напишет пришедший к власти Сталин.

"Власть для него означала всемогущество" (А. Антонов-Овсеенко). Обладающий полнотой власти правит миром.

В стремлении к господству он видел логический результат биологически обусловленной борьбы за существование. Жажда власти считалась им самоочевидной составной частью природы человека.

Люди достойны презрения — твари. Чем они лучше червя? Бесследно их исчезновение: раздави червя, раздави человека, какая разница. Их как бы и не было. Миром же правит тот, кто в силах их раздавить. Это боготворится людьми.

Бог наказующий и прощающий — вот что необходимо для масс. История религии и церкви, которую Коба изучал в духовной семинарии, дала ему очень серьезный материал для основания и распространения новой, последней религии — веры в Сталина.

Без религии нет энтузиазма, и, соответственно, вождь-гений должен был стать божеством. И на троне мира воссядет он, Сталин, ликом подобный человеку, и благоустроенный мир воскликнет: "Свят, свят, свят, и полны небо и земля славы твоей".

Но как стать Богом на Земле? Коба должен был доказывать любому верующему, что единственная реальная сила, судьбоносная сила в мире — это он сам. Доказывать бесспорными страданиями этого верящего и его позорной и мучительной гибелью. Бог делегировал ему эти права и вменил ему это в обязанность.

Бога надобно писать с малой буквы. С большой буквы надобно писать имя Сталина.

Надобно заставить себя бояться больше, чем бояться Бога. Показать, что только он, Сталин, есть действительный вершитель судеб всех и каждого. Только он казнит и милует. Он опередит Бога в неминуемом уничтожении всего живого.

Надобно убедить, что тот Бог, в которого верили массы до явления Сталина, не поможет им ни в малейшей степени уберечься от бога-Сталина.

Надобно из своих, и только из своих рук подавать милостыню наград.

Религия — опиум? Да! Так опейтесь опиумом его религии, ибо нет Бога, кроме Бога, и Сталин есть этот единственный Бог. Сталин неисповедим, непредсказуем в каре и милости. Сталин вездесущ и всемогущ, непререкаем, возможно, вечен.

XIX съезд КПСС — это съезд окончательного обожествления товарища Сталина. Всех сомневающихся в его гениальности без церемоний убивают в тюрьмах. Принудительный труд в лагерях уничтожения приобретает самые широкие масштабы.

Сущность обожествления не изменилась оттого, что верующие стали называть себя верящими.

*"Мы так Вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе!"*

Император

Истинный помазанник Божий, Сталин должен был или помочь империи выжить, или возродить ее. Ведь Российская империя — на самом деле его империя.

Сталин не был врагом самодержавия. Его самые жгучие симпатии были на стороне крепостничества, принудительного труда, сановно-сословной иерархии, бесправия и завоевательной политики русского самодержавия.

Он был сотрудником и защитником самодержавия, а затем самодержцем и реставратором империи.

Сталин бережно, по крупицам, шаг за шагом восстанавливал великую Империю, во всех подробностях, со всеми без исключения ее особенностями. Как он любил ее! И белую гвардию любил, и тайную полицию, и цензуру, и все, и все, кроме революционеров.

После революции 1917 г. главным было не допустить новой революции, потому все до единого профессиональные революционеры им уничтожались.

С той же целью надо было восстановить систему политического сыска, но только сделать ее еще более эффективной.

Сталин возродил крепостничество в его полноте и законченности. Но ныне все крестьяне стали государственными, т.е. его личными рабами, людьми без каких-либо прав, без паспортов, денег и пенсий. Впрочем, оброк (налоги и "государственные займы") пусть платят деньгами, где бы и как бы их ни добывали.

Самые необузданные антипатии Сталин питал к "навозу истории" — массам рабочих, крестьян и отчасти интеллигенции. Он никогда не разделял уравнилельных, социалистических и демократических целей и идеалов большевистской революции.

Он вновь ввел также широкий принудительный рабский труд в строительстве, совершенно бесплатный и потому самый тяжелый — труд до смерти. Именно так строились города и каналы при Петре Великом, железные дороги и крепости при первом Николае и позднее при Витте.

Но ныне масштабы рабского труда стали несравненно бóльшими. В рабство товарищ Сталин обращал любых "свободных" людей. По разнарядке бесплатная рабочая сила собиралась под видом арестов на каторге в нужном количестве. Место умерших мгновенно занимали новые рабы с помощью свежих массовых арестов, поставленных на конвейер. Каторжные работы были также уделом членов семей казненных "контрреволюционеров", "врагов народа", "изменников Родины", "кулаков" и т.п.

Так называемые стройки коммунизма — плотины, каналы, новые русла рек, железные дороги, рудники, целые города, высотные здания, военные и военно-промышленные объекты — возводились заключенными, спецпоселенцами, репатриантами. Особенно широко труд арестованных использовался на Крайнем Севере, Дальнем Востоке и в других регионах с суровыми климатическими условиями. Чрезвычайно высокой была смертность от голода, холода, болезней и непосильного труда.

В 1947 г. общая численность заключенных в трудовых лагерях составляла один миллион сорок восемь тысяч сто двадцать семь человек.

В 1948 г. и 1951 г. были изданы указы об ответственности за уклонение от общественно полезного труда и за ведение паразитического образа жизни. В результате каторга

пополнилась на двадцать восемь тысяч человек.

Лагеря принудительных работ существовали параллельно с системой общих мест заключения и не регулировалась исправительно-трудовыми кодексами. Прямые ведомственные предписания требовали от лагерной администрации игнорирования прав осужденных, издевательств, жестокости. Это была одновременно и каторга, и фабрика смерти.

Новая, упрощенная, система рабства способствовала и решению жилищной проблемы. Комнаты, квартиры, дома угнанных на каторгу людей занимали еще не обращенные в рабов люди.

Усилия Сталина направлены были на предотвращение даже тени возможности каких-либо социально-политических реформ и переворотов в России.

Сталин не был революционером. Он был последовательным, масштабным и полным истребителем революционеров всех и всяческих типов и видов. Он уничтожил больше революционеров, чем все цари Русской империи, вместе взятые. Он искоренил любую опасность для своего самодержавия с чьей бы то ни было стороны. До десятого колена.

Сталин презирал и ненавидел и большевиков, и любых иных бунтовщиков. Всегда защищал власть, которая была для него самим Богом.

Сталин не был выразителем интересов рабочих и крестьян. Он был самым жестоким в мировой истории эксплуататором и губителем абсолютно бесправных и беззащитных при его режиме рабочих и крестьян.

Сталин не предавал идей и идеалов социализма. Он никогда не был социалистом, но всю свою жизнь — только оппортунистом, провокатором и гегемонистом.

Сталин был вульгаризатором чужих идей, хитрым обманщиком, симулянтом, демагогом. Сталин не был сторонником Марксова учения. Он был антагонистом Маркса в главном и в деталях. Сталин не был адептом Ленина. Он был противником Ленина в главном и использовал его для расчистки пути к цели. Сталин не был идейным врагом Троцкого. Он почти во всем следовал Троцкому.

Причины возвышения Сталина

Возвышение Сталина объясняется взаимодействием исторически обусловленных факторов. Его мировоззрение доставляло ему цели деятельности, характер определял собой выбор средств, власть и особенности народа давали возможность претворять их в действительность. Почти полной маскировки своих целей и средств он достигал благодаря специфике восприятия человека человеком.

Жажда сильной руки

Массы, как очень точно характеризовал их Ф. Лист, подобны свинцовому морю: они тяжелы на подъем, но в конце концов поддаются действию любого огня.

Что именно сгорает в этом огне, для масс почти не важно. Важно лишь, чтобы был огонь, расплавляющий свинец и чтобы сильный ветер смог поднять высокие волны этого размягченного, а иногда и расплавленного свинца.

Для подъема массового энтузиазма необходима неистовая энергия, настолько колоссальная, что она часто в принципе недоступна нормальному человеку. Зато проявить ее подчас легко может бесноватый человек.

Известно, что в душевнобольных людях зачастую открываются огромные резервы плохо изученной и мало понятной науке силы — невероятной энергии.

Массы ценят силу. То, что это нередко сила сумасшедшего, массы мало интересуют.

Тайная страсть людей к кровопролитиям

Увы, люди склонны к уничтожению себе подобных. Восхищение тем, кто смог преступить законы человеколюбия, обожествление уголовника, свехубийцы — обыденное явление.

Чем сильнее бьющая рука, тем она желаннее. Существует глубинная потребность людей в жестоком обращении с собой. В ее основе лежит тайная убежденность людей в порочности и себя, и всех окружающих.

Слишком многие люди строят мир по своему образу и подобию.

Не отвращение, не ужас, не стыд и не гнев часто испытывают люди перед гибелью ближних. А воодушевление и восторг. "Нет, давайте не будем обманывать себя. У нас нет никакого инстинктивного отвращения перед пролитием крови. Мы потомки бесконечно длинной череды поколений убийц. Страсть к убийству у нас в крови, и вероятно, скоро мы отыщем ее не только там. В этом плане, как и во многих других, в нас по-прежнему жив первобытный человек в его неизменном виде", — констатировал безжалостно точный Зигмунд Фрейд.

Потребность в заботливом отце

Революция оставила народ без отца — батюшки-царя и без защиты Бога, — без личного бессмертия и воздаяния за жертвы.

Батюшкой-царем, просто батюшкой и самим Отцом Небесным должен быть Сталин.

Сиротствующий народ понимал, что иначе никак нельзя.

В 1934 г. товарищ Сталин заявил Алеше Сванидзе: "А ведь русский народ — царистский народ. Ему царь нужен". В конце сороковых годов он повторил это в разговоре с Виктором Некрасовым: "...народ наш кроме бани любит, чтобы у него и царь-батюшка был... Самодержец Всесоюзный. Неплохо звучит, а?"

До середины Отечественной войны роль веры выполнял атеизм, принявший абсолютно все качества исповедания и фанатической приверженности. Коллективный мистицизм выражается идолопоклонством, фанатизмом и стремлением обращать революционные принципы в религиозные догмы.

Но уже с 20-х гг. нарождался и укоренялся новый культ, персонифицированный в Вожде.

От первосвященника революции вождь двигался к мистическому Отцу, все более сближавшемуся в восприятии масс одновременно с царем-батюшкой, с помазанным батюшкой и, наконец, с Богом-отцом.

Изображения Предмета Культа, даже не скульптурные, а фотографические, приобрели чисто сакральный характер. За использование газеты с портретом Сталина в целях личной гигиены расстреливали на фронте без суда, на месте.

Скульптурам Сталина приписывалась сила следить за чистотой помыслов, принимать благодарности и поклонения, зачислять ленинцами и сталинцами новых юных, средних и старых adeptов. А также освящать браки, разводы, парады, демонстрации и панихиды.

Все это сохраняется во время Великой войны и после нее, но дополняется еще и некоторым креном в сторону традиционной церкви. Впрочем, при важном условии, чтобы сама церковь присоединилась к обожествлению ВОЖДЯ.

Особенности восприятия человека человеком

Одна из тайн тирании Сталина заключена в том, что людям на каждом шагу не хватает воображения.

Люди не в силах поверить, что обманывать можно не по мелочам, а в самом главном.

Воображение отказывается работать, прежде всего, когда его деятельность способна привести к нежелательным результатам, чреватым оторопью, болью, растерянностью. Люди дают себя объегорить и соблазнить, потому что их самообман сулит им некую выгоду, а ясное видение правды грозит беспорядочными неприятностями.

Заключение

Сталин оказал мощнейшее влияние на судьбы человечества.

За время своего господства Сталин и его помощники погубили несколько десятков миллионов людей в России и во множестве иных стран — в ходе геноцидов, массовых расстрелов, в лагерях уничтожения, в пыточных камерах, на каторге, с помощью организованного голода. Сталин рассылал тайных убийц по всему свету.

Сталин опустил "железный занавес" над сотнями и сотнями миллионов жизней.

Он превратился в того самого параноидного правителя, которого описал лауреат Нобелевской премии Элиас Канетти (1905—1994) в философско-социальном трактате "Массы и власть" (1960): "Злейшее зло человечества, его проклятие, а может быть, и его

приговор".

Можно уверенно заявить, что Сталин был самым масштабным террористом и диктатором на всем протяжении человеческой эволюции. Не исчерпано его влияние на человечество и сегодня и, вероятнее всего, будет испытываться еще долго.

От личности политика зависит, в какую сторону будет направлена энергия масс — к разрушению, самоуничтожению или к созиданию и саморазвитию.

Политика— уникальная сфера реализации перверсий и психопатических склонностей. Во времена революций особенно. Революционно-политическая власть узаконивает убийства, более того, делает убийства неизбежными. Для тех, кто от убийств получает глубокую психическую разрядку, революционная деятельность — рай и блаженство.

И все же остаются без ответа многие вопросы.

Находились люди, которые охотно, даже пылко и ревностно, участвовали в планировании и осуществлении самого чудовищного террора, направленного против собственного же народа, в людской истории.

Что они за люди, эти соглядатаи, доносчики, "следователи", истязатели, участники массовых ограблений, избиений, расстрелов и других казней, работники лагерей смерти, охранники каторг и т.п.?

Их было очень много. Они получали зарплату и награды за причинение смерти и страданий. Их ставили в привилегированное положение. Они гордились своей причастностью к горячо одобряемой ими жестокости.

Как их воспитывали, чтобы они были способны своими руками претворять в жизнь организованные официальные преследования, мучения и умерщвление миллионов сограждан? Служить в отрядах по насильственному изгнанию из жилищ и из родных мест целых народов, в карательных экспедициях?

"Лицензированность", т. е. узаконенность и безнаказанность убийств — вот что привлекает бездну людей, прежде всего молодых. Ведь это было десятками лет длящееся и нарастающее массовое уничтожение ни юридически, ни организационно не защищенных, безоружных людей — соседей, друзей, родных, знакомых, просто граждан своей собственной страны.

Безумие жертвоприношения, кровавый экстаз охватывают народ, которому разрешено, наконец, отнимать и убивать. Массовый садизм — психическая пандемия, во время которой мизантропия и корысть практически неразделимы.

Идеи нетерпимости при этом маскируются защитным цветом истины. Массы, естественно, разделяют антипатии своих пастырей.

Источники и литература

Абрамович Р. Чингисхан 20-го века // Социалистический вестник. 1949. № 12 (30 дек).

Агафонов В.К. Заграничная Охранка. Пг.: Книга, 1918.

Аллилуев С. Мои воспоминания // Красная летопись. 1923. № 5.

Аллилуева А.С. Из воспоминаний. М.: Правда, 1946.

Аллилуева А.С. Воспоминания. М.: Советский писатель, 1946.

Аллилуева, Светлана. Далекая музыка. М., 1992. (Первое издание 1969).

Аллилуева, Светлана. Книга для внучек // Октябрь. 1991. № 6.

Аллилуева, Светлана. Только один год. N.Y.: Harper & Row, [1969].

Антонов-Овсеенко А.В. Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 1—4, 6—10.

Антонян Ю.М. Психология убийства. М.: Юристъ, 1997.

Аркомед С.Т. Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе (с 80-х годов по 1903). М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.

Бинсвангер, Людвиг. Бытие-в-мире: введение в экзистенциальную психиатрию / пер. с англ. М.: Ювента, КСП+, 1999.

Будницкий О.В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996.

- Буллок, Алан.* Гитлер и Сталин: жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание: В 2 т. / Пер. с англ. Смоленск: Русич, 1998.
- Газета Департамента полиции // *Былое.* 1908. № 7—8.
- Голубович В.* Молодой Сталин // *Историк-марксист.* 1940. № 1.
- Дмитриевский С.В.* Сталин. Берлин: Стрела, 1931.
- Из воспоминаний русского учителя Православной Грузинской Духовной Семинарии. М.: Тип. "Русская печатня", 1907.
- Иосиф Виссарионович Сталин: краткая биография. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1947.
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б); одобрен ЦК ВКП(б). 1938 год. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1938.
- Казбеги А.* Избранное / пер. с грузин. Тбилиси: Заря Востока, 1948.
- Казбеги, Александр.* Избранные произведения / пер. с грузин. Тбилиси: Заря Востока, 1957.
- Каминский В., Верещагин И.* Детство и юность вождя: документы, записи, рассказы // Молодая гвардия. 1939. № 12.
- Князев Е.А.* Власть отвратительна: исторические параллели. М.: Сампо, 2000.
- Краткий философский словарь / Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. 4-е изд. М.: Госполитиздат, 1954.
- Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным. Смоленск: Русич, 2001.
- Лебедев А.А.* "Последняя религия" // *Вопросы философии.* 1989. № 1.
- Медведев, Рой.* О Сталине и сталинизме: исторические очерки // *Знамя.* 1989. № 2—4.
- Полянский, Виктор.* 10 лет с Василием Сталиным. Тверь: ВИКАНТ, 1995.
- Радзинский Э.С.* Мучитель и тень. М.: Вагриус, 1999.
- Радзинский, Эдвард.* Сталин. М.: Вагриус, 1997.
- Ранкур-Лаферрьер, Даниель.* Психика Сталина: психоаналитическое исследование / пер. с англ. Т.Е. Астаховой и М.Е. Озеровой; под ред. В.М. Лейбина. М.: Прогресс—Академия, 1996.
- Революционный невроз / Пер. с фр. М.: Институт психологии РАН, 1998.
- Робакидзе, Григол.* Убиенная душа / Пер. с нем. ... // *Дружба народов.* 199 . № .
- Рыбаков А.Н.* Дети Арбата // *Дружба народов.* 1987. №№ 4, 5, 6.
- Рязанцев, Сергей.* Танатология: учение о смерти. СПб: Восточноевропейский институт психоанализа, 1994.
- Симонов, Константин.* Глазами человека моего поколения: размышления о И.В. Сталине // *Знамя.* 1988. № 3—5.
- Солженицын А.* В круге первом. Кн. I. М.: ИНКОМ НВ, 1991.
- Сталин И.* Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: ОГИЗ, 1939.
- Сталин И.* Иосиф Сталин. СПб: Нева, 2001. (Мудрость вождей).
- Сталин И.* Марксизм и национально-колониальный вопрос: сборник избранных статей и речей / подготовил к печати И. Товстуха. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.
- Сухомлинов А.В.* Василий, сын вождя. М.: Совершенно секретно, 2001.
- Сухотин, Яков.* Сын Сталина: жизнь и гибель Якова Джугашвили. Л.: Лениздат, 1990.
- Членов С.В.* Московская Охранка и ее секретные сотрудники. М.: Отдел печати Московского совета Р. и К. Д., 1919.
- Эренжельд Б.К.* Дело Малиновского // *Вопросы истории.* 1965. № 7.
- Эриксон Э.Г.* Детство и общество / пер. с англ. СПб: ИТД "Летний сад", 2000.
- Allilueva, Svetlana.* Twenty letters to a friend. N.Y.: Harper & Row, [1967].
- Amba A.* I was Stalin's bodyguard. London: F. Muller, 1952.
- Andreev-Khomiakov, Gennady.* Bitter waters: life and work in Stalin's Russia / transl. Ann E. Healy. Boulder, Colo.: Westview Press, 1997.
- Axell, Albert.* Stalin's war: through the eyes of his commanders. London: Arms and Armour Press; New York, NY., 1997.

- Bacchelli, Riccardo*. Son of Stalin. London: Secker & Warburg, 1956.
- Bacon, Edwin*. The Gulag at war: Stalin's forced labour system in the light of the archives. N.Y.: New York University Press, 1994.
- Baikalov, Anatolii V.* I knew Stalin. London: Burns Oates, 1940.
- Barros, James; Gregor, Richard*. Double deception: Stalin, Hitler, and the invasion of Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1995.
- Bazhanov, Boris*. Bazhanov and the damnation of Stalin / transl. and comment. David W. Doyle. Athens: Ohio University Press, 1990.
- Bobrovskaya [Zeiikson] T.S.* Provocateurs I have known. London: Modern Books, 1931.
- Boffa, Giuseppe*. The Stalin phenomenon / transl. Nicholas Fersen. Ithaca: Cornell University Press, 1992.
- Bronstein J.* The politics of murder. N.Y.: W. Sloane, 1950.
- Burtsev V.* Lenine and Malinovsky // Struggling Russia. Vol. I. № 9/10. 1919. May 17.
- Chirot, Daniel*. Modern tyrants: the power and prevalence of evil in our age. N.Y.: Free Press, 1994.
- Conquest, Robert*. The great terror: a reassessment. London: Hutchinson, 1990.
- Daniels, Robert Vincent*. The Stalin revolution: foundations of the totalitarian era. Boston: Houghton Mifflin Co., 1997.
- Davies, Sarah*. Popular opinion in Stalin's Russia: terror, propaganda, and dissent, 1934—1941. N.Y.: Cambridge University Press, 1997.
- Deutscher I.* Stalin, a political biography. London; N.Y.: Oxford University Press, 1949.
- Djilas M.* Conversations with Stalin. N.Y.: Harcourt, Brace and World, 1962.
- Dunn Dennis J.* Caught between Roosevelt and Stalin: America's ambassadors to Moscow. Lexington: University Press of Kentucky, 1998.
- Ebon, Martin*. Svetlana: the story of Stalin's daughter. [N.Y.]: New American Library, [1967].
- Eeman, Harold*. Inside Stalin's Russia: memories of a diplomat, 1936—1941. London: Triton Books, 1977.
- Fishman, Jack.; Hutton J.B.* The private life of Josif Stalin. London: W.H. Allen, 1962.
- Harcave, S.* The first blood: the Russian revolution of 1905. N.Y.: Macmillan, 1964.
- Hershman, D. Jablow; Lieb, Julian*. A brotherhood of tyrants: manic depression & absolute power. Amherst, N.Y.: Prometheus Books, 1994.
- Hochschild, Adam*. The quiet ghost: Russians remember Stalin. New York, N.Y., U.S.A.: Viking, 1994.
- Iremaschwili, Joseph*. Stalin und die Tragödie Georgiens: Erinnerungen. Berlin, 1932.
- Kemp-Welch A.* Stalin and the literary intelligentsia, 1928—39. N.Y.: St. Martin's Press, 1991.
- Kerber L.L.* Stalin's aviation gulag: a memoir of Andrei Tupolev and the purge era / ed. Von Hardest. Washington, DC: Smithsonian Institution Press, 1996.
- King, David*. The commissar vanishes: the falsification of photographs and art in Stalin's Russia / preface by Stephen F. Cohen. N.Y.: Metropolitan Books, 1997.
- Knight, Amy*. Beria, Stalin's first lieutenant. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993.
- Krementsov, Nikolai*. Stalinist science. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.
- Krivitsky W.G.* In Stalin's secret service / preface by William J. Hood. Frederick, Md.: University Publications of America, 1985.
- Krotkov, Yuri*. The red monarch: scenes from the life of Stalin / transl. by Tanya E. Mairs; ed. by Carol Houck Smith. N.Y.: Norton, 1979.
- Kuromiya, Hiroaki*. Stalin's industrial revolution: politics and workers, 1928—1932. Cambridge [England]; N.Y.: Cambridge University Press, 1988.
- Leonhard, Wolfgang*. Betrayal: the Hitler-Stalin pact of 1939 / transl. by Richard D. Bosley. N.Y.: St. Martin's Press, 1989.
- Lessing, Doris*. To room nineteen. London: J. Cape, 1978.
- Levine, Isaac Don*. Stalin's great secret. N.Y.: Coward-McCann, [1956].
- Lewens, George*. My lives between Hitler and Stalin. Brooklyn, N.Y.: Lewens Pub., 1992.

- Lewis, Jonathan; Whitehead, Phillip.* Stalin: a time for judgement. L.: Thames Mandarin, 1991.
- Lukowski, Arthur; Tyde, Albert.* Don't let the accent fool you: the journey of Oil Express founder, Art Lukowski, from Stalin's construction camps to the Entrepreneur Hall of Fame. Dyer, IN: Sharing Publishers, 1997.
- Marrin, Albert.* Stalin. New York, N.Y.: Puffin Books, 1993.
- McDermott, Kevin; Agnew, Jeremy.* The Comintern: a history of international communism from Lenin to Stalin. N.Y.: St. Martin's Press, 1997.
- Mee, Charles L.* Playing God: seven fateful moments when great men met to change the world. N.Y.: Simon & Schuster, 1993.
- Mehnert, Klaus.* Stalin versus Marx; the Stalinist historical doctrine / transl. from the German. Port Washington, N.Y.: Kennikat Press, [1972].
- Mitchell, Otis C.* Two totalitarians; the systems of Hitler and Stalin compared. Dubuque, Iowa, W. C.: Brown Book Co., [1965].
- Morris, M. Wayne.* Stalin's famine and Roosevelt's recognition of Russia. Lanham, Md.: University Press of America, 1994.
- Negus A.* Ghosts of dictatorships. N.Y.: Vantage Press, 1995.
- Neumayr, Anton.* Dictators in the mirror of medicine: Napoleon, Hitler, Stalin / transl. by David J. Parent. Bloomington, Ill.: Medi-Ed Press, 1995.
- Nove, Alec.* Was Stalin really necessary? Oxford: St. Antony's College, 1960.
- Orlov, Alexander.* The secret history of Stalin's crimes. N.Y.: Random House, [1953].
- Otfinoski, Steven.* Joseph Stalin: Russia's last czar. Brookfield, Conn.: Millbrook Press, 1993.
- Paul, Allen.* Katyn: the untold story of Stalin's Polish massacre. N.Y.: C. Scribner's Sons; Toronto: Maxwell Macmillan Canada; N.Y.: Maxwell Macmillan International, 1991.
- Pauley Bruce F.* Hitler, Stalin, and Mussolini: totalitarianism in the twentieth century. Wheeling, Ill.: Harlan Davidson, 1997.
- Payne, Pierre Stephen Robert.* The terrorists: the story of the forerunners of Stalin. N.Y.: Funk & Wagnalls, [1957].
- Raack R.C.* Stalin's drive to the West, 1938—1945: the origins of the Cold War. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1995.
- Read, Anthony; Fisher, David.* The deadly embrace: Hitler, Stalin, and the Nazi-Soviet Pact, 1939—1941. N.Y.: Norton, 1988.
- Reese Roger R.* Stalin's reluctant soldiers: a social history of the Red Army, 1925—1941. Lawrence, Kan.: University Press of Kansas, 1996.
- Richardson, Rosamond.* Stalin's shadow: inside the family of one of the world's greatest tyrants. N.Y.: St. Martin's Press, 1994.
- Romano-Petrova N.* Stalin's doctor, Stalin's nurse: a memoir / introd. Alexis Scherbatow; transl. Michelle Petroff. Princeton, N.J.: Kingston Press, 1984.
- Rosenfeldt, Niels Erik.* Stalin's special departments: a comparative analysis of key sources. Copenhagen: University of Copenhagen, Institute of Slavonic and East European Studies, 1989.
- Russian economic development from Peter the Great to Stalin / ed. William L. Blackwell.* N.Y.: New Viewpoints, 1974.
- Seaton, Albert.* Stalin as warlord. London: Batsford, 1976.
- Shearer, David R.* Industry, state, and society in Stalin's Russia, 1926—1934. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1996.
- Silde, Adolfs.* The profits of slavery: Baltic forced laborers and deportees under Stalin and Khrushchev. Stockholm: Latvian National Foundation in Scandinavia, 1958.
- Slusser, Robert M.* Stalin in October: the man who missed the revolution. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987.
- Smith, Edward Ellis.* The young Stalin: the early years of an elusive revolutionary. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1967.
- Smith, Kathleen E.* Remembering Stalin's victims: popular memory and the end of the USSR. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1996.

- Stalin, Iosif*. Marxism vs. Liberalism: an interview between Joseph Stalin and H.G. Wells. N.Y.: New Century Publishers, [1945].
- Stalin's slave camps: an indictment of modern slavery / prep. Charles A. Orr. N.Y.: AMS Press, 1977.
- Sukhanov N.N.* The Russian revolution, 1917: Eyewitness account. 2 Vols. N.Y.: Harper and Brothers, 1962.
- Svanidze, Budu*. My Uncle Joe. N.Y.: Putnam, [1953].
- The Culture of the Stalin period / ed. Hans Gunther. N.Y.: St. Martin's Press, 1990.
- The Stalinist legacy: its impact on twentieth-century world politics / ed. Tariq Ali. Harmondsworth, Middlesex; New York, N.Y.: Penguin Books, 1984.
- Thurston, Robert W.* Life and terror in Stalin's Russia, 1934—1941. New Haven: Yale University Press, 1996.
- Tokaev, Grigori Aleksandrovich*. Stalin means war. London: Weidenfeld & Nicolson, [1951].
- Tolley, Kemp*. Caviar and commissars: the experiences of a U.S. naval officer in Stalin's Russia. Annapolis, Md.: Naval Institute Press, 1983.
- Topitsch, Ernst*. Stalin's war: a radical new theory of the origins of the second world war / transl. by A. and B.E. Taylor. N.Y.: St. Martin's Press, 1987.
- Trotsky, Lev*. Stalin, an appraisal of the man and his influence. N.Y.: Grosset & Dunlap, [1958].
- Trotsky, Leon*. Stalin's gangsters. London: New Park Publications, 1977.
- Tucker, Robert C.* Stalin as revolutionary, 1879—1929: a study in history and personality. N.Y.: W.W. Norton & Company, 1973.
- Viola, Lynne*. Peasant rebels under Stalin: collectivization and the culture of peasant resistance. N.Y. : Oxford University Press, 1996.
- Wilcox E.H.* The secret police of the old regime // Fortnightly Review. Vol. CVIII. 1917. December 1.